
ГЛАВА 1. ЗАПИСКИ РАСХИТИТЕЛЯ ГРОБНИЦ

Погода в Ханчжоу в августе приятная. Хотя в последние годы летом становится все жарче, но все еще можно прочувствовать утонченность сочетания "прохладной голубой воды и яркого солнца" на краю Западного озера.

Развалившись на диване в магазине, я вспоминал последние события. Со времени возвращения из Голмуда прошло около трех месяцев, но я все никак не мог успокоиться. Результаты последней экспедиции взбудоражили мою душу. Я не предполагал, что все закончится таким образом.

Все эти три месяца я не мог выбраться из пережитого кошмара, преследующего меня. Каждую ночь я видел сны, картины прошлого не давали мне спокойно спать, заставляя снова и снова переживать те события.

Смогу ли я избавиться от этого наваждения? Сильно сомневаюсь. Узнав все тайны, я так и не избавился от гнетущей душу тяжести.

То, что другие люди отчаянно хотели скрыть, оказалось тем, что я совсем не хотел видеть и знать. И попытка раскрыть чужие тайны легла бременем на мое сердце.

Я многое понял. Но если даже Молчун не смог избежать тяжелой участи, то что делать теперь мне? Хранить эти тайны и сомнения всю оставшуюся жизнь?

Вернувшись, я записал все, что произошло в этом году, начиная с описания записок моего деда, стараясь не упустить ничего. Я понимал, что когда-нибудь забуду эти дни, точно так же, как и ту маску, что долго носил и не смог снять третий дядя. Время лечит, но я надеюсь, что день излечения наступит чуть раньше.

Однако, есть еще много такого, что я не понимаю. Например, где мой настоящий третий дядя? Куда подевалась ставшая вечно молодой Вэньцинъ и каков на самом деле настоящий Молчун? Что за Абсолют такой? Кто построил подземелья Тамуту? Что из себя представляют члены команды Вэньцинъ и каковы были их планы?

Все это по-прежнему остается загадкой для меня. И хотелось получить ответы на эти вопросы. Хотя в какой-то степени мне все это казалось уже не таким важным.

После того, как Молчун пришел в себя, мы отвезли его в Первую больницу Пекинского университета(1) для полного обследования. С его физическим здоровьем проблем не было, но вот разум оставался затуманенным. Оставив его в больнице, мы наняли человека, который позаботится о нем. Но это ненадолго. Я обратился к некоторым людям в Чанша, чтобы разобраться, откуда появился Молчун, но никто не смог мне рассказать ничего внятного. Оставалось лишь попросить разузнать обо этом.

Толстяк считал, что, если узнаем о прошлом Молчуна, то сможем ему помочь. Но думаю, понять, что скрывается за его поступками, будет сложнее, чем мне казалось раньше. Сейчас я могу надеяться лишь на то, что память к нему вернется, и мы сможем получить ответы на наши вопросы. В противном случае нам останется поддерживать его всю оставшуюся жизнь. Хотя, возможно, для него это будет даже лучше, чем возвращение памяти.

Мало у кого есть возможность все забыть. Хотя некоторые потерявшие память мучительно страдают от невозможности вспомнить свое прошлое. Честно говоря, меня не пугала вероятность, что память не вернется к нему. Гораздо больше я опасался, что он вспомнит нечто такое, что может ему навредить.

Паньцзы мы тоже отправили в больницу. Он чудом выжил, мне его способность справляться с травмами казалась невероятной. Но оказалось, что и повреждений серьезных он не получил, потому, вернувшись в Чанша, поправлялся довольно быстро.

По его словам, там сейчас царил хаос. Раньше даже в отсутствие третьего дяди его подручные легко могли контролировать ситуацию, но сейчас все изменилось, бизнес потихоньку рушился. Повсюду ходили жуткие слухи, и Паньцзы не знал, что с этим делать. К счастью, Чэнь Пи успел отжать часть бизнеса третьего дяди, иначе Паньцзы было бы трудно справиться с таким объемом работы. Восстанавливать все приходилось осторожно и постепенно, делая один шаг за раз, иначе можно развалить все дело окончательно. Денег, которые он скопил за время работы с третьим дядей, вполне хватило бы ему на пропитание. И он всерьез задумывался о том, чтобы уйти на покой.

Я посоветовал ему найти хорошую девушку и поскорее создать семью, а не беспокоиться о бизнесе третьего дяди. Даже если тот жив, то уже слишком стар, чтобы руководить, детей, чтобы унаследовать бизнес, у него не было. Рано или поздно это должно было произойти, и мы ничего изменить не в силах.

Паньцзы мне ничего на это не ответил. Пока неизвестно, жив третий дядя или умер, не думаю,

что ему будет легко отпустить это. Он продолжит искать, и я могу лишь пожелать ему удачи.

Расставшись со мной, Толстяк вернулся в Пекин. Он был тем человеком, кому пережитые потрясения не мешали продолжать жить дальше. Вернувшись, он снова продолжил свой бизнес. По словам Паньцзы, Толстяк лучше всех нас разбирался в жизни, но я до сих пор не понимаю и не могу принять его принципов. На прощание он мне сказал избитую фразу: зеленые холмы никогда не превратятся в поток воды, а значит, все вернется на круги своя. Это звучало разумно. Но мы столько времени провели вместе, казалось, знаем друг друга давным давно. И меня передернуло от такого равнодушного философствования.

Чжаси попрощался с нами еще в Голмуде. Если бы не он, мы никогда не выбрались бы из Тамуто, поэтому я хотел дать ему немного денег в качестве вознаграждения. Но Чжаси ответил, что это испытание является его кармой, он должен быть спасти нас, потому что получил для этого благословение Бодхисаттвы и наши деньги он не может взять. Тогда я подарил ему свои часы, чтобы хоть какая-то добрая память о нас осталась.

А Нин мертва, и у меня не осталось других контактов с компанией Цю Декао. Я отправил несколько электронных писем людям из его команды, с которыми познакомился раньше, но ответа не было, кажется, их даже не прочитали. Не знаю, будут ли они продолжать свои исследования. Полагаю, этот старик должен сдаться, а если будет упорно продолжать, я могу только посочувствовать ему и пожелать благословения богов.

Толстяк прав: пепел к пеплу, прах к праху. Кажется, жизнь каждого из нас возвращается в привычное русло. Я, наконец, вернулся в Ханчжоу и продолжил спокойную жизнь. С девяти до пяти, сидя на плетеном стуле в своем магазине, я перечитывал записки моего деда, периодически задремывая. Мое существование снова стало ужасающе скучным. Настолько скучным, что я иногда желал, чтобы время повернулось вспять.

Если верить Чжуан Чжоу Мэнди(2), проснувшись, мудрец не знал, был ли он человеком, которому снилось, что он превратился в бабочку, или же он — бабочка, которой снится, что она человек. Мне все произошедшее со мной казалось сном, промелькнувшим перед глазами, но одновременно мне постоянно чудилось, что я все еще нахожусь в джунглях Змеиного болота, а моя нынешняя спокойная жизнь — всего лишь галлюцинация перед смертью.

Но независимо от того, что именно я воспринимал реальным, меня все устраивало, я испытывал удовольствие от своего нынешнего состояния. Ведь иногда просто умереть гораздо лучше, чем с трудом добиваться достижения какого-то результата.

Однако в глубине души я понимал, что не все еще закончено.

Примечания переводчика

(1) Первая больница Пекинского университета, известная как "Пекинская университетская больница", была основана в 1915 году и является первой медицинской клиникой, созданной в Китае. Нынешняя больница Пекинского университета представляет собой крупное комплексное медицинское учреждение, объединяющую лечение, обучение медицинского персонала, научные исследования и профилактику заболеваний, а также выполняет задачи Первой клинической медицинской школы Пекинского университета. Клиника была аккредитована и лицензирована Министерством здравоохранения Китайской Народной Республики в 1993 году.

(2) "Чжуан Чжоу Мэнди — это философский аргумент (а не просто теория), выдвинутый мудрецом Чжуанцзы, который считал, что люди не могут различать реальность и иллюзию. Когда кто-то думает, что реальные и иллюзорные вещи отличаются друг от друга, возникает диссонанс восприятия с точки зрения материализации предметов." Это цитата из учебника, которую сложно понять. Проще говоря, Чжуан Чжоу Мэнди — это описание проблемы восприятия на грани сна (бреда) и реальности, когда человек не в состоянии отличить одно от другого. Нечто похожее на дереализацию — патологическое состояние, когда человек не может объективно идентифицировать себя относительно окружающей его действительности.

ГЛАВА 2. ОБСУЖДЕНИЕ

Две недели спустя Молчуна выписали из больницы, и я поехал в Пекин, чтобы встретиться с ним и выяснить, что произошло.

Самым сложным для меня после возвращения в Ханчжоу было разобраться с беспорядком, который оставил третий дядя. Все, что я делал в этом году, хоть и было насыщено событиями, но делалось втайне, моя семья до сих пор не знает о тех великих переменах, что произошли со мной за это время. Местонахождение моего настоящего третьего дяди на данный момент неизвестно, может быть, он вообще никогда не появится в моей жизни. И я не знал, как все это объяснить родным.

С другой стороны проблемы с Молчуном. Теперь он действительно соответствовал своему прозвищу, словно закупоренная бутылка с маслом, о качестве содержимого которой можно лишь догадываться. И сейчас, когда он пришел в себя, передо мной стоит сложная задача узнавать его заново.

У него нет родственников, он словно чистый лист в книге этого мира, и не знает, где его гнездо. Я спрашивал многих людей о нем, но так ничего не узнал. Да и сам он говорил, что

связей с этим миром у него нет никаких. Все его личные вещи могут поместиться в небольшом тазу для умывания, у него нет ни денег, ни документов. Если сейчас бросить его, боюсь, он окажется на обочине жизни, став бродягой.

Толстяк за это время неплохо устроился и развернул свое дело на Люличане(1). Он встретил меня в своем новом магазине. Я не видел друзей несколько месяцев. Молчун выглядел, как и прежде, за исключением складки между бровями, придававшей его лицу напряженно-задумчивое выражение. Но в целом, увидев его, я вновь ощутил привычное его равнодушие к окружающим. Когда я вошел, он сидел возле окна и даже не обернулся. И лишь присмотревшись, я заметил, что его глаза были какими-то тусклыми, словно его разум отказывался существовать в этом мире.

Сначала я вежливо обратился к нему с приветствием, но он не ответил. Тогда я спросил Толстяка, как у Молчуна дела и что сказал доктор.

Толстяк, качая головой, ответил: "Все не так плохо, но и не идеально. Говорят, у него появились какие-то обрывочные воспоминания. Врач сказал, что нужна очень сильная стимуляция, чтобы память вернулась к нему. Без этого все будет бесполезно, его мозги останутся, словно тушеные свиньи."

Я вздохнул: не представляю, что могло произойти тогда внутри метеорита, какое потрясение могло довести его до такого состояния.

"У тебя есть какие-то планы?" Сделав скучное лицо, Толстяк ответил: "У меня здесь больше сорока квадратных метров, но все равно тесновато. Если ты хочешь, чтобы он жил здесь, лучшего друга и соседа мне не найти. Однако, если соседи увидят, что я живу вместе с таким красавцем, что они подумают обо мне?"

"Совести у тебя нет, — разозлился я. — Он не раз спасал тебе жизнь. А тебя беспокоят какие-то сплетни соседей?"

"Если ты такой правильный, то почему не возьмешь его жить к себе? — огрызнулся Толстяк. — Ты хочешь, чтобы я заплатил за жилье для младшего брата? Тогда у меня есть предложение. Если его устроит жить в тесноте, я готов подвинуться и уступить место. Однако, к этому вопросу спасение моей жизни не имеет никакого отношения. Есть и другой вариант. Я оплачиваю аренду жилья, а ты нанимаешь домработницу. Качественное питание обеспечиваем пополам. А пока пусть живет здесь, думаю, за выходные мы все успеем."

"Ты так охренительно добр, прям глаза слепишь, словно солнышко красное(2)" — я не удержался от сарказма. — Молчун не дурак, мы должны у него спросить, чего он хочет."

Толстяк уставился на сидевшего у окна Молчуна и спросил: "Брат, скажи, какие у тебя планы на будущее?"

Тот закрыл глаза, словно задумался. Прошло много времени, прежде чем я услышал его голос: "Я хочу идти туда, куда хочу."

"Гулять? — удивленно переспросил я. — Или у тебя есть конкретная цель?"

Он спокойно ответил: "Не знаю. Я хочу посетить те места, что вы упоминаете в разговорах. Чанша, Ханчжоу, Шаньдун. Я хочу отправиться туда и посмотреть — смогу ли что-то вспомнить."

Я горько усмехнулся. Это последнее, что я хотел от него услышать. Он хочет что-то вспомнить. Но сейчас его разум девственно чист, его прошлое — огромная загадка. Мне кажется, чем меньше он помнит, тем ему лучше. Однако, если его память начнет восстанавливаться во время путешествий по знакомым местам, могут возникнуть хотя бы эмоциональные воспоминания. Для потерявшего память человека эмоции, связанные с прошлым, очень важны, даже если он до конца все и не вспомнит.

Я понимаю, что для людей, потерявших память, поиск своего прошлого часто становится целью жизни. Этого невозможно избежать. Но я не хочу, чтобы он вернулся к своему страшному пути.

Толстяк увидел, что у меня изменилось лицо, и, видимо, понял, какая заноза сидит в моем сердце. Похлопав меня по плечу, он напомнил: "Придется делать, как он хочет, разве ты не этого хотел? Удерживать его здесь будет нереально."

Я вздохнул. Он прав: единственный способ исполнить его желание — отправиться вместе с ним. Все мы, кто находится здесь — не чужие друг другу люди, и в случае чего мы можем помешать Молчуну совершить глупость.

Я сам много думал о возможности разузнать о его прошлом. Раньше планировал отвезти его в Чанша и познакомить с теми, кто мог его знать. Но сейчас дела нашей семьи там идут плохо, я даже не знаю, к кому могу обратиться за помощью. И тут я вдруг кое-что вспомнил и спросил Толстяка: "Разве в прошлый раз ты не говорил, что у тебя есть какие-то возможности узнать историю жизни Молчуна? Никаких новостей нет?"

"И не напоминай, даже говорить об этом противно, — ответил он. — Толстяк сказал — Толстяк сделал. Мой план состоял в том, чтобы расспросить некоторых цзя-лам. Чаще всего они в курсе

всех новостей и слухов, которые получают от даому. А твой третий дядя мог выйти на Молчуна именно через одного из них. Это уже хоть какая-то ниточка. Мы могли бы начать с этого."

Я подумал, что это отличная возможность. Но почему у меня так заныло сердце от нехорошего предчувствия? А Толстяк продолжал: "Для меня было неожиданностью, что эти люди ничего по сути мне рассказать не могли. А потом выяснилось, что они вообще мало в чем разбираются и больше промышляют сутенерством(3). Да я по сравнению с ними истинный джентльмен... нет, вообще святой небожитель."

Я успокоил его, сказав, что в их бизнесе такие правила. Да, они могут владеть информацией, но используют ее осторожно, согласно своим неписанным правилам. Их нельзя винить. Ведь продажа добытых сведений — это их доход, а неосторожно раскрыв их, можно не только потерять деньги, но и головы лишиться.

"Сложно с такими людьми договариваться. Думаю, это тупик, — подытожил Толстяк. — А как насчет тебя?"

Я вздохнул и ответил, что будь в Чанша мой третий дядя, то возможно, удалось бы что-то разузнать. Но сейчас люди, с которыми я могу связаться, недостаточно компетентны. А немногие старые ковши(4) люди странные люди. Я пытался сблизиться с некоторыми из них, но со мной даже разговаривать не стали. Я, видимо, не тот человек, с кем они будут откровенничать.

"Тогда забудь об этом. Я думаю, надо сделать так, как хочет младший брат. Давай организуем для него туристический тур по местам нашей боевой славы, соберем немного денег и отпустим, — сказав это, Толстяк задумался и продолжил с серьезным видом. — Или давай женим его. Найдем ему богатую невесту. С его внешностью это не составит труда. Глядишь, и нам чего-нибудь перепадет. И пусть они с женушкой сами идут по жизни, как думаешь?"

Я ничего не ответил на его шутку, только покачал головой, думая о том, что он сказал до этого. Толстяк ведь изначально нашел отличный способ узнать что-то, но просто не с той стороны подошел к решению вопроса. Размышляя об этом, я вспомнил об одном человеке: "Нет, ты же нашел отличный способ расспросить цзя-лам. Может быть, это вовсе не тупик."

"Что ты хочешь сказать?"

"Эти люди отказались с тобой говорить, либо потому что боялись тех, о ком им придется рассказать, либо на самом деле ничего не знали. Но есть один человек, которого не будут беспокоить всякие мелочи, вроде мстительных клиентов. Может, начнем с него?"

"Какой такой человек?" — удивился Толстяк. И даже Молчун поднял голову и посмотрел на

меня.

"Когда мы отправлялись на Чанбайшань, был один человек, цзя-лама третьего дяди. Его имя Чу, помнишь?"

"Это такой лысый?"

Я кивнул, брат Чу был лысым. Он владел подпольным банком, которому помогал третий дядя. Желая подставить Чэнь Пи, он тогда сам попал в руки властей и сейчас должен сидеть в тюрьме. Именно он связывался тогда с Толстяком и Молчуном, значит, мог иметь какую-нибудь информацию о младшем брате. И если он в тюрьме, то ему нечего опасаться. Но я не знаю, как его найти и, тем более, заставить говорить. В конце концов, его не интересуют наши проблемы. Даже если он не боится мести с чьей-то стороны, он может просто не захотеть разговаривать с нами.

Толстяк хлопнул меня по ладони: "Ой! И правда!" Покачивая головой, он обдумал мои слова и спросил: "Но что, если мы пойдем к нему, а он возьмет и доложит о нас властям?"

"Этот человек весьма умен и владеет столь важной информацией, что если начнет говорить, среди наставников в Чанша начнется хаос, — рассуждал я. — Он будет молчать, потому что знает, что эта информация может принести ему много пользы в будущем. Но сейчас он в беде и будет рад помощи с любой стороны. Думаю, нам нетрудно будет получить от него нужную информацию." Говоря это, я уже знал, что нам надо делать. Не хотелось, конечно, беспокоить Паньцзы, но это столь деликатный вопрос, что придется попросить его помочь.

Я решил оставить Молчуна здесь. Лучше, если этим делом займусь я, незачем ему бегать следом. Но оставлять его одного тоже нельзя. Это просто ужасно: я не мог собраться с мыслями. Не таскать же Молчуна с собой, я не уверен, что смогу уследить за ним. Если ему снова взбредет в голову что-то странное, или он что-нибудь вспомнит и исчезнет, я ничем не смогу помочь. Делать нечего, придется оставить его здесь под присмотром.

Я обсудил это с Толстяком, и ему ничего не оставалось, как согласиться. "Не будем болтать попусту, — сказал он. — Для начала надо найти место, где младший брат останется жить, так мы сэкономим много сил и времени."

Итак, было решено, что я отправлюсь к Паньцзы и загружу его нашими проблемами, а Молчун останется с Толстяком. А потом мы решим, как действовать дальше. В любом случае отношения между нами тремя таковы, что просто отмахнуться от этого мы не можем. И это не одолжение Молчуну, это уже наше личное дело.

Как говорится, добрым словом трудно убедить злого демона, лучше прихлопнуть его доской, а хорошо это или плохо — разбираться будем потом.(5)

Вернувшись в Ханчжоу, я позвонил Паньцзы и обсудил с ним все нюансы. Он тоже чувствовал себя обязанным Молчуну и согласился с каждым моим словом. Его действия оказались весьма эффективными: он перезвонил мне через три дня.

Я подумал, что у него возникли еще какие-то вопросы, и спросил, как дела.

Вздыхнув, он ответил: "Хлопотное это дело. Я нашел его и расспросил. Он действительно знает то, что вы хотите знать, но просто так говорить отказывается. У него есть условия."

"Какие еще условия?" — спросил я. Больной совсем? Я ему тоже могу условия поставить такие, что мало не покажется.

"Он хочет десять тысяч юаней. И требует, чтобы вы приехали. Он желает рассказать все лично вам."

"Он хочет видеть меня?" Я был удивлен. Требование денег понятно, но зачем ему я? Это как-то неправильно.

"Не хочет ли он выманить меня и подставить, чтобы искупить собственные грехи?" — предполагая это, я уже слышал звон кандалов у себя в ушах.

"Я тоже думаю, что такое возможно, — со вздохом ответил Паньцзы. — Но он просил передать вам кое-что. Он сказал, когда вы увидите это, то сами захотите встретиться с ним."

"И что это?" — с любопытством спросил я.

"Это старая фотография, — Паньцзы запнулся. — Очень старая фотография, черно-белая, такие делали, когда я был совсем молодым."

У меня внезапно мурашки поползли по коже. Я сразу подумал о групповой фотографии третьего дяди перед экспедицией на Сиша. Вот дерьмо, только этого мне не хватало. Я задумался, может ли брат Чу что-то об этом знать? Однако, сейчас эта информация уже не актуальна, чтобы использовать ее в качестве давления на меня.

Не зная, что подумать, я спросил: "Что именно изображено на этом гребаном фото?"

Паньцзы ответил не сразу, и голос его звучал растерянно: "Я не уверен, но мне кажется, что это "призрак".

Примечания переводчика

(1) Люличан (琉璃厂) — один из традиционных кварталов Пекина, который известен старинными каменными зданиями, где размещены лавки и магазины, специализирующиеся на продаже изделий ручной работы, предметов искусства и антиквариата. Название квартала восходит к периоду династии Мин, когда на этой улице работала известная фабрика цветной глазури, где производились глазированные плитки (аналог современного кафеля, только более утонченные) для дворцов, храмов и домов высокопоставленных чиновников. После масштабных реставрационных и реновационных работ в настоящее время Люличан превратился в крупный антикварный рынок, напоминающий традиционную китайскую деревню, где расположены как государственные магазины, так и частные лавки. Особенностью этого рынка является обязательная необходимость поторговаться, прежде чем купить что-то. Этот район считается туристическим: расположен вдали от оживленного городского движения и, кроме специализированных торговых точек, обустроен традиционными чайными, винными магазинами и ресторанами, где туристы могут перекусить и отдохнуть, а также совершить сделку.

(2) Золотой ворон (金乌) – традиционный поэтический образ в китайской поэзии, происходящий из древних мифов. Ворон в Китае является солярным символом. Поэтому выражение "золотой ворон" в более поздней поэтической традиции приобрело метафорическое значение "солнце".

(3) Я не совсем поняла, о какой криминальной структуре речь. Но вроде бы в странах Азии есть такой незаконный бизнес, как торговля информацией, нечто похожее на промышленный шпионаж, только более широкого профиля. Для получения информации из разных областей используются проститутки, а потом эта информация продается.

(4) 瓦 (старый ковш) — сленговое понятие, введенное, кажется, в этот жанр литературы еще Чжаном Муэ, возможно, взятое из реального сленга грабителей гробниц. Так они называли друг друга.

(5) 用善变来证明自己的道理 (用善变来证明自己的道理)

У Се переиначил крылатое выражение 用善变来证明自己的道理 (добрым словом трудно убедить злого демона, если не заставить его сострадать). Крылатая фраза учителя Шань Тяньфана. В этом предложении есть определенный буддийский принцип: внутреннее совершенствование и самоуправление. У каждого человека своя карма. Если кто-то не слышит ваших слов, не надо сдаваться: следует произнести имя Будды, назвать дело Будды и объяснить, что доброе дело требует сострадания. В общем, я и по-русски объяснить правильно не могу, не то что перевести с китайского всю эту философию. Объяснение этой фразы есть здесь: <https://www.zhihu.com/question/268943528> . А в исполнении У Се философский тезис выглядит, как ироничное русское "сначала бьем, потом спрашиваем." Хотя я все равно не до конца

поняла смысл его иронии. Коллеги-китайцы долго объясняли мне смысл обоих фраз, что-то про сыновнюю почтительность, чувство долга и тонкую иронию, но я все равно ничего не поняла. Хотя то, что тут ирония, чуйкой чую.

ГЛАВА 3. ВТОРАЯ СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

Я попросил отправить мне фотографию по электронной почте, но Паньцзы не умел пользоваться интернетом. Пришлось долго объяснять ему, что и как сделать. Прошел целый час с момента нашего разговора — и я наконец, получил снимок.

Это на самом деле была старая фотография, пожелтевшая, с блеклыми пятнами. Но даже в таком состоянии изображение можно было рассмотреть, и я понял, почему Паньцзы говорил о ней так не уверенно, и что он имел в виду, сказав о "призраке".

Кажется, ее сделали в старом доме, на переднем плане стояла полупрозрачная ширма, за которой виднелась чья-то фигура. Снимок получился засвеченным, и детали сложно было разглядеть, но это точно тень или силуэт человека.

Позади ширмы, видимо, был какой-то источник света, направленный прямо на нее, поэтому силуэт был довольно четким. И поза меня немного напугала. Обычно люди не стоят абсолютно прямо из-за смещения центра тяжести. Но эта фигура была расположена почти вертикально. Более того, у этого человека были как-то неестественно опущены плечи. Мне сначала показалось, что этот человек висит в воздухе.

Там за ширмой кто-то повесился?

Несмотря на странности снимка, я не мог понять, что в нем должно было вызвать мой интерес. С какой стати я должен сорваться на встречу с приславшим ее человеком? Я не видел для этого никаких причин.

Внизу на фото попали доски деревянного пола. Слева я разглядел темный проем, вероятно, за ширмой виднелся наполовину закрытый ею коридор. Он был плохо освещен, но внимательно присмотревшись, я заметил несколько дверей по одну сторону.

Это показалось мне знакомым: старый дом и расположение в комнате выхода в коридор... где-то я такое уже видел, но никак не мог вспомнить, где именно.

Я шевельнул мышью и открыл еще один присланный скан: это была обратная сторона фотографии, где брат Чу для меня сделал надпись от руки. Там было написано: 1984 год, Голмуд, санаторий Народно-освободительной армии.

Я глубоко вздохнул, внезапно осознав, где был сделан этот снимок: заброшенный санаторий в Голмуде. В голове мелькнула мысль, что я не могу представить, коридор какого этажа был запечатлен на ней.

Этот санаторий был убежищем, в котором Вэньцзинь и ее коллеги прятались от третьего дяди. У людей в ее команде, должно быть, много скелетов в шкафу. Третий дядя говорил, что понятия не имеет, чем они там занимались и какие исследования проводили. В этом заброшенном санатории сняли много странных видеокассет, словно отслеживали каждое движение находящихся там. И среди них был очень похожий на меня человек.

Но как брат Чу мог сфотографировать это место? Неужели он тоже как-то замешан в этом деле?

Я подумал, что, в отличие от меня, с третьим дядей у него были неплохие отношения. Может быть, и дела некоторые они вели вместе? Или же с ним самим случилось что-то... и в результате он тоже оказался вовлечен в эту историю.

Такое действительно возможно. Если он действительно знает, что происходило в заброшенном санатории, это стало бы для меня сюрпризом. Но что изображено на этой фотографии? Зачем она была сделана?

Обычно, фотографируя что-то, люди имеют конкретную цель: запечатлеть что-то на память или сохранить какую-то информацию. Никто не будет делать фотографию просто так, без какой-либо причины. Очевидно, на снимке есть что-то важное для человека, который сделал его.

Не думаю, что эту комнату сняли на память. Ширма ничем не примечательна, в коридоре нет ничего необычного. Значит целью фотографа был силуэт за ширмой.

И это странно. С одной стороны этот силуэт выглядит жутко. Но с другой стороны, есть такой способ съемки, который даже из обычного человека может сделать призрака(1). Этот снимок немного похож на постановочную съемку, популярную сейчас в интернете. Поэтому я даже не допускал мысли о том, что это настоящий призрак: что-то на самом деле находилось за ширмой. Остается вопрос: почему фотограф сделал снимок объекта, заслоненного тканью ширмы? Тем, кто не находился с ним в момент съемки в комнате, не будет понятно, что именно снято и зачем.

В этом старом санатории столько тайн! То они каждый свой шаг на видеокамеру снимали, теперь фотография, на первый взгляд совершенно бессмысленная. Чем они там занимались?

Обдумав все, я решил, что причин для волнения нет. Кажется, мне действительно надо встретиться с этим человеком. Поэтому я позвонил Паньцзы и изложил все, что думал по этому поводу. Поразмыслив, он согласился, сказав, что подготовит нашу встречу и примет все возможные меры безопасности. Когда все будет готово, он известит меня.

Что такое тюрьма, я знал лишь по книгам и не знал, насколько сложно будет устроить такую встречу. Но все оказалось гораздо проще, чем мне думалось. Вскоре я увидел брата Чу. Паньцзы пошел со мной. В тюрьме я был в первый раз и всю дорогу потел от волнения. Миновав несколько решеток, я оказался в зале для свиданий, где брат Чу ожидал меня.

Он заметно похудел, лысина его уже не лоснилась, как раньше. Казалось, он постарел на несколько лет и постоянно дрожал, словно его бил озноб. Выражение его лица было хмурым. Я предложил ему сигарету, он несколько раз затянулся, прежде чем расслабиться и начать разговор. Глядя на его потное лицо, я опечалено вздохнул: наш бизнес жесток, богатый человек легко может скатиться на дно бедности. Те, кто ведет такую жизнь, должны быть готовы к подобным поворотам судьбы.

Сначала между нами возникла какая-то натянутость, я не знал, с чего начать. Он заговорил первым, спросив: "Как там ваш третий дядя поживает?" Голос его был хриплым.

Я поспешил рассказать вкратце о ситуации в Чанша, сообщил, что от третьего дяди нет никаких новостей. На самом деле никто не знал, что с ним произошло, так что я не в чем не соврал.

"Возмездие! Это возмездие за то, что он пошел не по тому пути!" Выкурив сигарету, он, казалось, немного подобрел. Помолчав немного, он поднял глаза, уставился на меня, а затем неожиданно спросил: "Ты хочешь знать о немом Чжане?"(2)

"Немой Чжан? — я был так удивлен, что не сразу понял, кого он имеет в виду. — Ты имеешь в виду младшего брата? Это его ты назвал немой?!"

"Наставники его так называют". Он только что закончил курить, но я заметил, как дрожит его рука, когда он тушил окурок в пепельнице, и протянул ему свою пачку и зажигалку. Он сразу достал новую сигарету и спросил: "Он же никогда не говорит, как вы с ним общаетесь?"

Я подумал, что не его это собачье дело, но не знал, как это поприличнее сказать. Зато Паньцзы, сидевший рядом, грубо обрезал его: "Схуяли ты вопросы задаешь?"

Брат Чу, сделав пару глубоких затяжек, посмотрел на Паньцзы и уверенно ответил: "Вот такой вот я. А что ты мне сделаешь, если я буду задавать вопросы?"

Паньцзы явно разозлился и собирался сказать что-то еще более резкое, но я остановил его. Брат Чу находился сейчас в отчаянном положении. Терять ему было нечего, и злые слова могли только все испортить. "Брат Чу, — мягко обратился к нему я, — ты дольше меня в бизнесе. И понимаешь, что есть вещи, о которых я не могу с тобой говорить."

"О-хо-хо, молодой третий господин поставил меня на место. Хорошо." Он кивнул, и лицо его приобрело такое выражение, словно он целиком съел кислый лимон.

Я не хотел на него давить, просто смотрел в упор. Он вздрогнул и натянуто улыбнулся. Поняв, что я не собираюсь больше ничего говорить, он обратился к Паньцзы: "Пань, ты должен мне заплатить. Мы ведь договорились, верно?"

Паньцзы вынул платежный чек(3), видимо, даже эту обязанность он взял на себя, и бросил его перед братом Чу. Тот взял его, внимательно прочитал и заявил: "Добро! Третий господин, эта бумажка мне как глоток свежего воздуха!"

"Ты получил свои деньги, ты увидел молодого третьего господина, теперь можешь говорить!" — мрачно перебил его Паньцзы.

Брат Чу кивнул: "Тогда, пожалуйста, мастер Пань, покинь нас. Это дело касается только меня и молодого третьего господина."

Лицо Паньцзы так побагровело, что, казалось, сейчас он одним взглядом устроит пожар. Я подмигнул ему, намекая, что все равно потом расскажу, а сейчас он и так много сделал для меня. Бормоча под нос ругательства, он встал и вышел.

Брат Чу посмотрел ему вслед, потому перевел взгляд на меня, но молчал до тех пор, пока дверь не закрылась за спиной Паньцзы. И в эту минуту выражение его лица сильно изменилось. Выпустив клубы дыма, он неожиданно сказал: "Молодой третий господин, вы не можете продолжать копаться в этом деле."

Я удивленно посмотрел на брата Чу. Не ожидал, что он скажет подобное.

"Это еще почему?"

Он вздохнул: "Посмотрите на меня. Вспомните своего третьего дядю, немого Чжана. Судьба каждого из нас вам хорошо известна, — он встал, словно собирался уходить. — Согласитесь, потрясающая жизнь у всех нас. Вам не стоит связываться с такими людьми, как мы."

Я выпрямился на стуле и, вспомнив изображение на старой фотографии, спросил прямо: "Что тебе известно?"

Примечание переводчика

(1) У Се говорит о методе съемки против источника света. В этом случае на снимке получается только силуэт, без деталей. А если правильно установить источник света, то силуэт можно сделать полупрозрачным, испускающим свет или создать другие спецэффекты. В начале истории фотографии такая съемка считалась ошибкой. Но в последнее время съемка против источника света очень популярна даже среди профессиональных фотографов. И даже до появления цифровой фотографии были мастера, которые работали в этом жанре.

(2) Стоит уточнить. Чу называет Молчуна 哑巴, немой Чжан. Но по-китайски это слово, в отличие от русского, имеет негативный оттенок, более близкий к слову "дурак". Именно поэтому У Се и удивился, так как третий дядя и Паньцзы утверждали, что Молчун довольно уважаемый человек среди даоу в Чанша.

(3) В Китае существует вариант проведения транзакций с помощью платежных чеков. Процесс сложный, но более гарантированный, чем цифровые, безналичные или личные транзакции.

ГЛАВА 4. ТОВАРИЩ ПО НЕСЧАСТЬЮ

Замечание брата Чу подсказало мне, что он многое знает. И я занервничал, ведь в этом случае его, возможно, придется уговаривать так же, как и третьего дядю, который и половины всего мне так и не рассказал.

Видимо, моя неуверенность была заметной. Брат Чу посмотрел на меня, улыбнулся и сказал: "Не волнуйтесь, я расскажу вам все, что знаю. Но сначала вы должны пообещать мне кое-что."

"Что именно?" — спросил я, полагая, что он хочет поднять цену.

Покосившись на дверь, он заметно вздрогнул: "Вы не должны никому пересказывать то, что услышите от меня. В конце концов, если я могу рассказать вам о немом Чжане, то так же за

деньги могу и о других людях много интересного поведать. Если кто-нибудь узнает, что я так поступил, то до меня рано или поздно доберутся и убьют. Сейчас я в безопасности, но когда-нибудь выйду из тюрьмы, а информация, которой я владею, не так безопасна, как мне казалось вначале. Если бы не мое отчаянное положение, я бы вообще никогда ничего не говорил, даже за деньги."

Я кивнул. Это я могу понять: именно поэтому он хотел увидеться лично и попросил Паньцзы выйти. Чем меньше людей знает об этом, тем лучше.

"Мы с вашим третьим дядей, можно сказать, старые друзья. Долгое время я для него много поручений выполнял, например, расследовал деятельность Вэньцзинь и ее команды. Поэтому я знаю гораздо больше, чем вы думаете, — он снова вздрогнул. — Вы даже не представляете, насколько глубоко это болото. И, возможно, вы не догадывались, но ваш третий дядя много рассказывал о вас. Поэтому я знаю, что вы не при делах, и посмел согласиться продать вам информацию."

Мое сердце радостно забилося: теперь понятно, откуда у него эта фотография. И я торопливо спросил: "Что же там происходило?"

Он нехотя продолжил: "Не знаю, рассказывал ли вам ваш третий дядя об этих людях?"

"Вы имеете в виду членов экспедиции Вэньцзинь на Сиша? — я словно наяву услышал тот эпитет, которым наградил их третий дядя, "ненормальные". — Кое-что он говорил, но не так много, как хотелось бы."

"Ваш третий дядя пытался выяснить, чем до экспедиции занимались члены команды Вэньцзинь. Когда я начал выполнять его поручения по этому делу, то часто слышал, как он выражал сомнения в их... неправильности. Но позже, чем больше я узнавал, тем сильнее убеждался, что он прав, мне они тоже казались ненормальными." Брат Чу затушил сигарету, достал новую и нервно закурил: "Эти люди словно никогда не существовали в этом мире, о них практически не было никаких сведений. Откуда они пришли? Кто они такие? Что именно они изучали? Я так и не смог выяснить это."

"Это мне уже известно."

"Но вы не знаете, что мне удалось убедить вашего дядю прекратить это расследование. Людей, подобных этим, не должно быть в нашем мире. Несколько лет безуспешных расследований и поисков: осознав безрезультатность наших действий, ваш третий дядя, наконец, послушался меня. И я думал, что с этим покончено. Для меня стало неожиданностью, когда, вернувшись с вами и немой Чжаном из Шаньдуна, ваш третий дядя сообщил мне, что этот самый Чжан такой же, как и люди из экспедиции Вэньцзинь. Один из тех, что не стареют. Мы снова начали расследование, но на этот раз нашей целью стал немой Чжан."

Я сел прямо, а брат Чу снова закурил сигарету, уже не помню, которую по счету. Печально вздохнув, он продолжил: "Немого Чжана к нам привел четвертый наставник, именно у него и забрал Чжана ваш третий дядя. Я подсылал кое-кого к людям четвертого господина разузнать историю немого Чжана и услышал совершенно невероятные вещи."

Он сделал паузу, прежде чем продолжить: "Знакомство четвертого наставника и немого Чжана произошло при очень странных обстоятельствах. Было это года четыре назад. Вы никогда не слышали об охоте за мертвецами, которая популярна среди местных жителей в Гуанси?"

Я кивнул, охота за трупами — древняя традиция. Обычно ее устраивают, когда случаются природные бедствия. Практикуется этот обряд в тех местах, где бытуют легенды о живых мертвецах. Как правило, охоту на трупов используют для спасения от засухи. Если случается жаркое и засушливое лето, грозящее голодом и болезнями, знающие люди раскапывают гробницы и осматривают трупы, захороненные там. Если мертвецы оказываются цзунцзы, то жители страдающей от засухи деревни выбирают самых отважных, которые вытаскивают живых мертвецов из гробниц, используя лассо, и выставляют на солнце.

Но та охота, в которой участвовал Чэнь Пи, отличалась от этой традиции. "Тогда Чэнь Пи четвертый имел бизнес в Гуанси," — начал свой рассказ брат Чу.

В Гуанси на протяжении веков сталкивались культуры многих народов и этнических меньшинств, и там очень много древних захоронений. Однако, вести в той местности дела сложно, так как из-за культурных и социальных различий опыт торговца антиквариатом из Центральных равнин там совершенно бесполезен. В Гуанси этим бизнесом занимаются больше деревенские жители, и именно у них можно купить антиквариат. Поскольку Гуанси граничит с Вьетнамом, среди грабителей гробниц очень много выходцев оттуда, нелегально пересекающих границу или исконно живущих в Китае. Главный интерес добытчиков антиквариата в Гуанси был связан с тем, что на этой территории раньше располагалось государство Линнань(1), и в районе очень много древних захоронений. Вьетнамцы не умеют грабить гробницы, но кое-какой опыт у них можно перенять.

Бизнес семей Центральных равнин на самом деле очень сложен. Говорят, что мест для разграбления почти не осталось, но это не верно. Множество гробниц грабили по несколько раз, и все равно там что-то оставалось. Уйти из гробницы с пустыми руками нереально. Но все это вещи не дорогие, настоящих ценностей действительно встречается мало. И если попадается еще не вскрытая гробница, то сразу несколько семей объединяются, чтобы захватить товар. В современном бизнесе все больше наставников задумываются о работе в соседних провинциях. Одно время было раскопано множество гробниц периода Золотой империи(2) на территории провинции Хэйлунцзян(3), и Гуанси(4) наши наставники тоже не обошли вниманием.

Запросы у Чэнь Пи были непомерные, поэтому он одним из первых наладил связи с

вьетнамцами из Гуанси. В тот раз он послал туда своих людей, потому что прослышал, что вьетнамцы обнаружили крупную гробницу, но не могли определить ее происхождение. Люди Чэнь Пи должны были направлять вьетнамских коллег по цеху, чтобы определять, какие товары ценны, а что является мелочевкой.

В Гуанси прибыли трое человек от Чэнь Пи. Они последовали за вьетнамцами в джунгли и впервые увидели, как те делают свои дела. Во-первых, они все были хорошо вооружены. Несколько человек шли особняком, таща огромную корзину. На вопросы, что там, вьетнамцы внятно не отвечали, притворяясь, что не могут понять вопрос. В конце концов удалось лишь добиться, что внутри есть "а кун"(5), но что это значит, вьетнамцы так и не объяснили.

Проблуждав по джунглям около трех дней, они добрались до древней гробницы. Она была уже вскрыта, и вход закрывали лишь банановые листья. На первый взгляд, гробница напоминала обычную землянку. Люди Чэнь Пи собирались спуститься туда, но вьетнамцы жестами остановили их, давая понять, что там опасно.

Только тогда люди Чэнь Пи увидели содержимое огромной корзины.

Это был обнаженный мужчина, связанный по рукам и ногам, с обритой головой. Тело его было в грязи. Вьетнамцы вытряхнули его из корзины прямо у входа в гробницу.

Сразу за входом начинался грубый коридор, с уклоном уходивший вниз и оборудованный каменными ступенями. Вьетнамцы вооружились ножами, люди Чэнь Пи приготовили копыта черных ослов. На исследование этого коридора ушло минут десять, и чем дальше они заходили, тем сильнее чувствовался запах гниения. Следуя за этим запахом, вьетнамцы добрались до квадратного колодца, довольно глубокого и, вероятно, расположенного в центре гробницы. Запах шел со дна этого колодца.

Как оказалось, эта двухуровневая гробница относилась ко времени царства Линнань. Свет фонаря выхватил из тьмы на дне колодца грубо отделанное небольшое помещение высотой около полутора метров, заставленное деревянными гробами, стоящими прямо в воде. Видимо, содержимое гробов давно сгнило — отсюда и зловоние.

Вьетнамцы столкнули в колодец связанного человека, приготовили веревочную петлю, словно собирались кого-то поймать в силки.

Но люди Чэнь Пи еще раньше поняли, что с этой гробницей были проблемы. Возможно, при первом посещении вьетнамцы потеряли здесь своих людей, поэтому теперь взяли с собой этого связанного человека в качестве приманки. Нечто, скрывавшееся в темноте гробницы

набросится на приманку, попадет в силки, и его можно будет вытащить. Это было очень похоже на ритуальную охоту на мертвецов.

И это было очень жестоко. Разграбление могил изначально было способом заработать денег на еду. Всякое бывало, но в целом в нашем деле жизнь человека не ставилась ниже, чем ценности в гробницах. Людей Чэнь Пи шокировал такой способ грабежа, но они понимали, что имеют дело с головорезами, потому вмешиваться не стали, чтобы не разжечь конфликт.

Ждали они долго, но ничего не происходило. Вьетнамцы чувствовали себя неуверенно. Коротко переговорив с товарищами по-вьетнамски, их главарь приказал одному из них спуститься следом и все проверить.

Тот послушно добрался до дна колодца, огляделся и махнул рукой, сообщая, что все в порядке. Остальные последовали за ним и начали обвязывать веревочными петлями трупы. Люди Чэнь Пи были осторожны и не стали спускаться вниз. Когда осталось обвязать два трупа, внизу что-то произошло: раздались крики, а наверх фонтаном брызнула кровь.

Вьетнамцы оказались крепкими ребятами, сразу бросились назад, двоим даже удалось выбраться. Затем из колодца показалась сморщенная почерневшая рука с длинными ногтями, которая чуть не схватила за ногу главаря вьетнамцев. Теперь горе-грабители были перепуганы до смерти. Им ничего не оставалось, как завалить колодец камнями, водрузив сверху пару огромных валунов, и в спешке бежать прочь.

Эта история дошла до Чэнь Пи. Для такого опытного старого ковша считалось позором покинуть столь интересную гробницу только потому, что там обнаружилась пара цзунцзы. Поэтому он собрал своих людей и лично отправился туда. До древней гробницы он добрался спустя неделю после печального происшествия. Убрав валуны и разобрав колодец, заваленный камнями, они обнаружили внизу полный хаос: гробы были разворочены, кругом валялись жутко вонявшие трупы.

Чэнь Пи сначала решил, что это все обычные мертвецы, но, спустившись вниз, обнаружил дюжину цзунцзы, аккуратно сложенных у одной из стен вокруг относительно целого гроба. У всех были свернуты шеи. А на гробу сидел обнаженный мужчина, окруженный грудой трупов, и безучастно смотрел на спустившихся даоу.

"Это был тот самый "а кун", которого вьетнамцы использовали в качестве приманки, " — пояснил брат Чу. — Теперь его зовут немой Чжан. Вот так Чэнь Пи и встретил его впервые."

"Это ужасно," — выдохнул я.

"История эта может быть несколько преувеличена, но говорю, что слышал, — казалось, брату Чу доставляет удовольствие рассказывать об этом. Возможно, в тюрьме он истосковался по общению и готов говорить о чем угодно. — Мне рассказывали, что вьетнамцы нашли его в одной из деревень Гуанси. Он нес какую-то чушь, потому они посчитали его дураком и использовали как приманку. Но после этого случая немой Чжан стал подручным четвертого наставника. Многие люди из окружения Чэнь Пи хотели узнать о нем побольше, но четвертый господин всегда был скрытен."

"А что произошло до этого?"

"А что было с ним раньше, не знает никто. Немой Чжан оказался очень опытным ковшом, и четвертый наставник очень ценил его. Но думаю, даже он не знал его историю. Сам знаешь, у нас в бизнесе есть правило, не спрашивать слишком много."

Понятное дело, от Чэнь Пи теперь ничего не узнать. Но, скорее всего, он действительно не смог бы ничего рассказать. И кого спрашивать теперь?

"Эта история всего лишь слухи. Но, по крайней мере мы с вашим третьим дядей знали, в каком направлении действовать, — продолжил свой рассказ брат Чу. — Но дальше все пошло наперекосяк. Ваш третий дядя отправился на Сиша, а я по его поручению поехал в Гуанси, чтобы разузнать о немом Чжане. Это такой геморрой был, скажу я вам. Я провел целых два месяца в захолустье под названием Банай(6), чтобы найти совсем немного информации..."

Эта деревня находится в горах недалеко от китайско-вьетнамской границы. Кое-кто из жителей узнал немого Чжана по фотографии, тут его звали А Кун. И брата Чу отвели к дому, где тот раньше жил.

Недоумевая, я вскричал: "Ты имеешь в виду, что у него есть дом в деревне в Гуанси?"

"Это довольно далеко, но это была территория, подконтрольная Чэнь Пи в Гуанси. Там много вьетнамцев. Теоретически немой Чжан должен был там жить, но на все сто я не уверен. Когда вы отправлялись на Чанбайшань, я был цзя-ламой и связывался с немым Чжаном через четвертого наставника. Вообще, этот немой все время был в разъездах. Когда я посетил его дом, то заметил, что он не выглядит жилым. Возможно, с тех пор, как немой Чжан покинул Гуанси, он туда ни разу не возвращался."

"Как выглядит его дом?" — спросил я. Мне немного любопытно, на что похоже место, где жил Молчун.

"Обыкновенный дом, двухэтажный, высоко над землей(7), такой же, как и все в этой местности. Внутри обстановка убогая, в одной из комнат я нашел только кровать и стол, накрытый

стеклом, под которым лежало много фотографий. Меня туда никто не звал, и вообще это была территория четвертого наставника, потому я не осмелился что-то забрать. Порылся в ящиках стола и забрал лишь одну фотографию из-под стекла. Ту самую, которую передал вам. Я хотел рассказать все вашему третьему дяде, показать ему фотографию — и пусть он сам решает, что делать дальше. Но я не ожидал, что Чэнь Пи следил за мной. Меня поймали сразу, как только я покинул Банай. А что произошло потом, вы и сами знаете, — сделав паузу, он продолжил. — Мне кажется, четвертый наставник заметил меня, еще когда я расспрашивал о нем Чжане в Чанша. Это чудо, что я добрался живым до Баная. И у меня не было другого выбора, как сдать ему вашего третьего дядю."

"Я внимательно выслушал все, что ты сказал, — обратился к нему я, когда он закончил. — Но не могу понять, в чем состоит тот самый большой секрет, о котором никому говорить нельзя?"

Брат Чу посмотрел на меня и снова вздрогнул: "Я не могу этого сказать..."

Ненавижу, когда меня обманывают: "Не можешь сказать? Мало денег получил?!"

Брат Чу опять вздрогнул: "Молодой третий господин, третий дядя всегда оберегал вас. Для любого из нас вы всегда были под запретом, никто не посмеет вам навредить или втянуть в историю. Не знаю, жив он сейчас или мертв. Да вы и сами этого не знаете. Но, если он жив, то расскажи я вам все, мне точно придет конец. Ваш третий дядя нехороший человек, не боится ни бога, ни дьявола. Я предал его однажды, но он простил меня. Если предам его снова, моя жизнь не будет стоить и ломаного гроша. Вы говорили, что это дело касается вас лично, лишь поэтому я согласился встретиться. Если вы хотите знать больше, то должны посетить тот дом и сами посмотреть на те фотографии. Тогда вы поймете, почему я просил вас остановиться. Я могу сказать вам лишь это. Конкретная информация никогда не прозвучит из моих уст."

Заметно было, что он снова хочет закурить, но сигареты кончились. Тогда брат Чу закашлялся. Глаза его были каким-то пустыми. И этот взгляд почему-то мне напомнил безжизненные глаза Молчуна.

Примечания переводчика

(1) Линнань или Линьнам — историческое (со времён династии Восточная Чжоу) название юго-восточной части Китая, преимущественно из провинции Гуандун и соседней с ней Гуанси, а также северного Вьетнама, входившего в царство Намвьет (Наньюэ). Ныне сюда относят также провинции Хунань, Цзянси и остров Хайнань. В 40-43 гг. н. э сёстрами Чынг часть территории бывшего Намвьета — более 65 вьетских городов, составлявших Линьнам, были временно освобождены от китайского господства. Сёстры объявили себя государынями Линьнама и приняли имя Чынг. Они стали правящими королевами и отражали китайские атаки больше

двух лет.

(2) Золотая империя — имеется в виду чжурчжэньское государство Цзинь, существовавшее на территории северного Китая в XII—XIII веках.

(3) Хэйлунцзян — провинция в северо-восточной части Китая. В прошлом — часть территории исторической области Маньчжурия. В настоящее время входит в географический район Китая Дунбэй (Северо-Восток). Административный центр и крупнейший город — Харбин. Золотая империя занимала северную часть современной провинции Хэйлунцзян.

(4) Гуанси или Гуанси-Чжуанский автономный район — автономный район на юге Китая. Граница с Вьетнамом находится на юго-западе района.

(5) А кун 坤 — затрудняюсь сказать, что это означает. Если переводить каждый иероглиф, то, возможно, речь идет о подношении земле (土 — лезть, 土 — земля, как женское начало). Но, может быть, это всего лишь звукоподражание вьетнамскому языку.

(6) Банай — один из небольших административных центров в районе Гуанси. Хотя по сути это обычная деревня.

(7) Дома в деревнях этнических меньшинств Гуанси строятся на сваях и имеют два-три этажа, довольно высоких. Жилые помещения расположены на верхнем этаже, а нулевой, там, где сваи, обустраивается, как подсобное помещение, где хранят сельскохозяйственный инвентарь или содержат домашних животных.

ГЛАВА 5. СНОВА ОТПРАВЛЯЮСЬ В ПУТЬ

Я, словно дурак, должен переться в горную деревушку Гуанси? Цирк какой-то! Но слова брата Чу меня заинтриговали. Что же такого он увидел в комнате, где жил Молчун? Но я понятия не имел, как выбить из него эту информацию. Спрашивал и так и этак, много раз, но он молчал. Это его упорство меня удивляло, казалось каким-то надуманным, неестественным. В конце концов, в комнату для свиданий зашли охранники, услышавшие мой громкий голос, и спросили, что происходит. Продолжать настаивать в такой ситуации было глупо, глядишь, я сам бы за решеткой окажусь. Поэтому пришлось сдаться.

Паньцзы, услышав мой рассказ, был очень расстроен и сказал, что зря его выгнали. Уж он-то научил бы этого строптивца уму-разуму и заставил бы рассказать все, что он знает. Но я считал, что такие меры не обязательны. У меня же возникло ощущение, что брат Чу играл со мной, и, возможно, ему на самом деле ничего не известно.

"Почему ты так считаешь?" — спросил Паньцзы.

"Это называется блефом. Он мог просто видеть в комнате стол с фотографиями, но сами фотографии не рассматривал. Сейчас ему нужно продать свою информацию подороже. Вот он и нагнетает загадочности. Но в одном я уверен точно: он там был."

Но это всего лишь мои предположения, в которых нет никакого смысла. В любом случае мне придется лично ехать туда, чтобы узнать, не слишком ли брат Чу преувеличивал.

После того, как брат Чу передал мне адрес в Банае, решение ехать туда было принято окончательно.

Банай — это деревня народности яо, расположенная в Шивандашане(1). В Гуанси это место называют китайской Сибирью(2). В прошлом веке там царила ужасная бедность. Внимательно проверив предоставленный мне адрес, я предположил, что дом находится не в самом Банае, а где-то в горах неподалеку.

Чэнь Пи четвертый — старый ковш, возможно, потому и выбрал для своих дел такое глухое место, где до полиции два дня добираться. Ничего плохого в этом нет, кроме того, что мне снова предстоит бродить по горам и бездорожью, причиняя боль своим многострадальным ногам.

Толстяк и Молчун приехали в Ханчжоу. Кажется, Молчун здесь был впервые. Толстяк сказал, что мог бы воспользоваться возможностью и встретиться со знакомым официантом, работавшим в ресторане Нанбан(3), чтобы запастись едой. Но сейчас для рестораторов настали трудные времена, вряд ли у него можно будет разжиться припасами. Мы отдохнули несколько дней, а затем самолетом отправились в Наньнин(4), откуда поездом добрались до Шанси(5).

Мы ехали не в гробницу, потому с собой ничего не взяли. По дороге настроение было настолько хорошим, что мы все впервые за долгое время расслабились и даже начали шутить. Нас в купе было шесть человек. Два наших соседа были простыми работягами, обрабатывавшими поле неполный рабочий день, а третий — экскурсовод, веселый мужчина, пригласивший нас сыграть в маджонг. За игрой мы хорошо провели время.

Шанси окружает кольцо поросших лесом вершин, наш поезд словно пронизывал горы одну за другой, ныряя в тоннели. А вдалеке тянулась гряда, вершины которой были укутаны густым туманом. Сосед-экскурсовод сказал, что это самое сердце Шивандашана.

Это огромный горный массив, заросший миллионами акров леса. В самой глубинке Шивандашана сотни тысяч акров непроходимых зарослей, можно сказать, место для обитания бессмертных, недоступное простым людям. Прекрасные пейзажи, наверное, но такая местность очень неудобна для путешествий. Именно поэтому мы выбрали поезд. Для нас, привыкших к прямым дорогам Центральных равнин, заросшие грунтовки Гуанси могут стать серьезным испытанием.

Горные пейзажи за окном вагона вызывали у меня странные чувства. В прошлом эти картины были связаны с тайнами скрытых в глубине гор гробниц. Но на этот раз наша цель — простая деревня в горах.

Странное ощущение — не знаю, расстраиваться ли мне или радоваться от того, что это просто поездка, а не очередная проблема на мою задницу... Но, глядя на голубые вершины, словно высеченные из гранита, я все равно чувствовал мурашки, пробегающие по спине.

Добравшись до Шанси, мы отправились дальше в Наньпин, а оттуда уже в Банай. Часть пути до места назначения получилось проехать на арендованной машине, а дальше пришлось идти пешком. Была середина лета, и пейзаж вокруг оказался восхитительным, вокруг витал аромат горных трав и цветов. И даже взгляд постоянно хмурого Молчуна при виде такой красоты ненадолго потеплел.

Так, любуясь летними пейзажами горного леса, мы шли довольно долго, а когда добрались до Баная, был уже вечер. У наших попутчиков в поезде я все подробно расспросил, и уже точно знал, где можно остановиться в деревне яо. Мне сказали найти человека по имени Агуй, который поможет найти место.

Агую было чуть больше сорока лет. Но, хотя у него уже были две взрослых дочери и сын, он старым не выглядел. Семья Агуя владела двумя высокими домами в деревне, в одном из которых для каждого из нас нашлось отдельное место. Агуй долго и внимательно смотрел на Молчуна, я все ждал, что он узнает моего друга, но не сильно на это надеялся. Толстяк рассказал ему, откуда мы, был щедр и особенно не торговался. Агуй явно привык к таким, как мы, вел себя свободно и сказал, что не только жилье предоставит, но и готов помочь во всем, что нам потребуется.

Я так устал в дороге, что в голову не приходило, чем он нам сейчас может еще помочь. Хотя мой желудок ощутимо напомнил о себе, поэтому я попросил для начала приготовить нам ужин.

Агуй сказал своим дочерям заняться едой, а сам отправился заселять нас. Добравшись до своей комнаты, я оставил багаж на деревянном полу и для начала обтер свое тело родниковой водой, а затем уселся на деревянную лежанку(6). Здесь было удобно и прохладно, я чувствовал,

как приятно расслабляются уставшие мышцы. Наблюдая, как две стройные девушки готовят еду, я вдруг подумал, что именно такая жизнь прилась бы мне по душе.

Перед ужином мы снова встретились с Агуем, и Молчун спросил его, как добраться до места, о котором рассказал брат Чу. Услышав адрес, тот заметно встревожился.

Агуй сказал, что раньше этот дом относился к территории деревни. Но границы Баная немного изменились, и теперь это место находится за ее пределами. Толстяк поспешил успокоить Молчуна: "Хоть это и твой собственный дом, но кто тебя так поздно туда отведет? Кроме того, у тебя даже ключа нет, местные могут нас в чем-нибудь заподозрить. Мы уже здесь, и торопиться некуда. Можно пойти туда завтра утром."

Я был согласен с ним. Вдохнув, Молчун тоже кивнул. Несмотря на потерю памяти, он не растерял своих хороших качеств, среди которых было невероятное терпение.

На ужин нас угостили тушеным мясом и сладким вином. Люди в деревне яо охотятся на белок и едят их, и вкус этого блюда мне показался странным. А вот вино оказалось отменным, с насыщенным вкусом и ароматом. И вода здесь чистая, родниковая, очень вкусная. Толстяк за едой выпил слишком много, и у него развязался язык. Он старательно доказывал, что на родине является очень влиятельным бизнесменом, но хочет бросить свое дело и уйти на покой. Потом стал просить Агуя отдать ему в жены одну из двух дочерей, чтобы он смог поселиться в этом райском месте и, как простой человек, возделывать землю.

Я опасался, что своим бесконечным потоком сознания он может ненароком обидеть хозяина, поэтому поспешил закончить ужин и отправился помогать девушкам убирать со стола, а Толстяка отправил на свежий воздух, чтобы тот маленько побыл в одиночестве и протрезвел.

Пока мы мыли посуду, я расспросил дочерей Агуя о делах в деревне. Мне рассказали, что раньше дела шли не очень, жители бедствовали, еды не хватало. Но позже молодежь стала уезжать на заработки, и появились лишние деньги. Агуй, стал сдавать путешественникам и туристам комнаты в принадлежавших его семье домах, это занятие приносило хороший доход, достаточный, чтобы хорошо питаться. Теперь их семье не надо ходить на охоту, они могут даже покупать разные вещи, нужные в хозяйстве, и помогать другим семьям.

Я невзначай упомянул Чэнь Пи и спросил, есть ли в деревне вьетнамцы.

Девушки ответили, что в вьетнамцы тут бывают иногда, но не живут. Их поселения расположены выше в горах. Что касается людей из Чанша, сейчас в Баная бывает много посторонних, и точно сказать, кто и откуда, они не могут.

Закончив с уборкой после ужина, я махнул рукой, решив прекратить расспросы. Очевидно, что Чэнь Пи был очень осторожен, и вряд ли часто появлялся в деревне.

Если подумать, то люди Чэнь Пи тоже могут появляться здесь лишь изредка, маскируясь под туристов, приехавших полюбоваться красотами гор. С вьетнамцами они, скорее всего, встречались за пределами деревни, там же совершали сделки. И полагаю, оборот этих сделок был немаленький. По крайней мере, для Чэнь Пи это место было очень важным, и связи тут он наладил прочные, видимо, еще в то время, когда скрывался в Гуанси от властей.

Я решил спуститься в столовую и попросить у Агуя фруктов на вечер, но там застал пьяного Толстяка, который, покачиваясь, таращился на стену.

Я думал, что он слишком много выпил и не соображает ничего и не ожидал, что он сразу меня заметит. Увидев меня, он поманил пальцем к себе: "Младший У, поди-ка сюда."

Приблизившись, я спросил его, чем он тут занимается. Толстяк глазами указал направление, куда смотреть. Я увидел большую рамку для картины, в которой под стеклом было размещено множество фотографий. Указав на одну из них, Толстяк спросил: "Слушай, а это кто?"

Примечания переводчика

(1) 十万大山 (дословно сто тысяч гор Гуанси) — район в Гуанси. На самом деле преувеличение. Гор в Гуанси гораздо меньше, но почти в каждой имеются карстовые пещеры. Так вот этих пещер, по приблизительным подсчетам, на самом деле около ста тысяч.

(2) Действительно Шивандашан так называют, но не из-за климатического или географического сходства, а потому, что это удаленное от центрального Китая место, где условия для проживания не самые комфортные, а потому уровень жизни достаточно низкий. Сравнение это появилось примерно на стыке девятнадцатого и двадцатого веков, когда Сибирь в России была место ссылки.

(3) Shui NanBan Yin — один из ресторанов в Ханчжоу, расположенный по адресу Qingbomen Nanshan Road, Shangcheng District.

(4) Наньнин — городской округ в Гуанси-Чжуанском автономном районе КНР, экономический, административный и культурный центр Гуанси-Чжуанского автономного района, находится в юго-западной части района.

(5) Округ Шанси (не путать с Шаньси) — звук "с" в этом названии произносится более твердо, чем положено по-русски, ближе к звуку "ш" (Шанши). Округ, находящийся под юрисдикцией города Фанчэнган, Гуанси-Чжуанский автономный район, расположен в южной части Гуанси-Чжуанского автономного района, у северного подножия горы Шиванда. Он граничит с городом Циньчжоу на востоке, автономным округом Фанчэн на юге, округом Нинмин на западе, округом Фусуй на севере и районом Юннин на северо-востоке. В 2011 году Профессиональный комитет по экологии туризма Китайского экологического общества присвоил округу Шанси титул «кислородной столицы Китая». В марте 2019 года он был выбран в качестве первой группы округов для защиты и использования революционных культурных реликвий.

(6) В оригинале говорится о деревянном настиле, приподнятом над уровнем пола (□□□). Но в этнических деревнях северного Китая такие настилы, используемые как спальные места, называют канями — твердые лежанки, которые подогревали снизу (□□ tǔkàng). В южных регионах Китая обустраивали такие же спальные места, но без подогрева снизу. Спальным местом это можно назвать лишь приблизительно: на таком настиле спали ночью, утром убирали постель и ставили туда столик, на котором ели или работали.

ГЛАВА 6. НАСЛЕДИЕ

Это была черно-белая фотография с небольшими коричневыми пятнами, очень похожая на ту, что показал мне брат Чу. Ее по краям закрывали другие фотографии, поэтому я не сразу рассмотрел изображение: групповой портрет двух человек, одним из которых, к моему великому удивлению, оказалась Чэнь Вэньцзинь!

Снимок был большего размера, чем тот, что дал мне брат Чу, потому лицо я мог рассмотреть очень хорошо. Мужчина на фото выглядел немного зажатым и был одет в национальную одежду яо, а Вэньцзинь широко улыбалась. Позади них я заметил ребенка, случайно попавшего в кадр.

Снова начинается? Откуда здесь взялась фотография Вэньцзинь? У меня мурашки побежали по коже, и я спросил Агуя: "Когда была сделана эта фотография?"

Подойдя, он бегло взглянул на фото: "Несколько десятилетий назад." Он указал на человека в национальном костюме: "Это мой папа. А женщина была в составе экспедиции, которая тогда приезжала в наши края."

"Экспедиция? Она была в составе экспедиции? — я чуть на месте не подпрыгнул. — И что они тут делали?"

"Я точно не знаю. Говорили, что-то нашли в горах, — он махнул рукой в сторону ближайшей к

деревне горы. — Они долго тут работали, а потом уехали, и больше никто не приезжал."

Мне подумалось: "Сколько раз, чтобы найти хоть намек на ответ, я в кровь ноги сбивал. А тут даже малейшего усилия не пришлось приложить. Эта поездка стоит того, чтобы пройтись по летнему лесу!" Вежливо усадив Агуя рядом с собой, я попросил его немедленно мне все рассказать об этой экспедиции.

Он выглядел удивленным. Видимо, решил, что я с ума сошел. Я действительно чрезмерно разволновался, услышав его ответ про фотографию.

Толстяк сходу решил его заинтересовать: "Да, мы такие настойчивые. И не возражайте. Только скажите, сколько вам надо, я заплачу. Буду платить за каждую тысячу слов."

Услышав про деньги, Агуй перестал удивляться. Обрадованный внезапно свалившимся на него богатством, он поманил к себе дочь, приказав ей считать его слова, и начал свой рассказ.

Когда все это произошло, Агуй был еще подростком, а жители Баная были очень бедны и изолированы от мира. Поэтому появление экспедиционной команды, внешний вид приехавших людей, их снаряжение произвели на жителей деревни яо огромное впечатление.

Он вспомнил, что в составе экспедиции было более десятка человек, а руководила ими женщина. Она пришла с несколькими участниками экспедиции на деревенский рынок, желая найти помощников среди местных. Отец Агуя в то время выполнял обязанности старейшины, и потому вышел их встретить.

Женщина сказала, что их экспедиция археологическая, приехали они из города и собираются провести некоторые исследования поблизости от деревни. Она надеялась, что отец Агуя окажет им всестороннюю помощь. У нее были официальные документы, со всеми положенными печатями. Для жителей заброшенной деревни такие бумаги казались очень важными, и отец Агуя не решился пренебречь просьбой женщины. Он помог ей разместить ее людей в деревне, а также нашел для них проводников и помощников.

Люди из экспедиции оставались здесь шесть или семь месяцев. Но большую часть времени они проводили в горах, в деревне их практически не видели. Ближе всего с ними общался проводник, которого им подобрал отец Агуя.

Его частенько расспрашивали, чем городские занимаются в лесу, но он ничего внятного

ответить не мог. Пару месяцев они бродили по лесу, словно искали определенное место. А когда нашли, то его услуги им больше оказались не нужны. Женщина, руководившая экспедицией попросила навещать их каждые три дня, но поставила условие: приходить строго в определенные часы, не раньше и не позже.

А потом случилось кое-что, напугавшее его.

Вначале проводник, как и ему было сказано, навещал людей в лесу раз в три дня. И никогда не было никаких проблем. Но однажды в сенокос он хотел помочь родственникам, потому решил навестить археологов на день раньше, думая, что большой беды от этого не будет. А когда пришел, то обнаружил абсолютно пустой лагерь. Он обыскал все вокруг, побродил по ближайших горам, но не нашел ни следа, словно все сквозь землю провалились.

В растерянности он вернулся в деревню, не спал всю ночь, а вернувшись на следующий день, обнаружил, что все на месте. Лагерь был полон спящих туда-сюда людей, оживленный, словно вчера и не был пугающе пустым. Уже тогда он почувствовал ненормальность происходящего, но думая, что это его горные духи морочили, не осмеливался никому рассказать. Лишь когда археологи покинули деревню, он поделился своей историей с жителями деревни.

Покидая деревню, археологи вывезли с собой более дюжины ящиков, в которых, как они утверждали, лежат находки, сделанные в результате раскопок. Никто не видел, что лежит внутри. А фотография, которую заметил Толстяк, была сделана перед самым отъездом археологов, и рядом с отцом Агуя стоит руководительница экспедиции. Снимок она напечатала по возвращению в город и прислала помогавшему им отцу Агуя с благодарностью. Он посчитал, что это достойная часть истории их семьи, и повесил на стену с другими важными снимками.

Когда Агуй закончил говорить, Толстяк с нетерпением спросил: "Ты помнишь, в каком году это было?"

Тот указал на ребенка, попавшего в кадр: "Это я. Тогда я был слишком мал, не умел читать, потому не могу точно знать, какой это был год. Но может быть, кто-то из старших вспомнит. Если вам нужны подробности, я помогу расспросить жителей завтра."

Я поблагодарил, но на сердце у меня было беспокойно. В этом месте побывала команда Вэньцзинь. И вряд ли это совпадение, что здесь же находился дом Молчуна. За этим точно что-то кроется. Хотя Агуй не смог рассказать подробности, но он уверен, что в горах они проводили археологические раскопки. И, скорее всего, эти исследования были как-то связаны с их основным делом.

Глядя на гору, возвышавшуюся рядом с деревней, я спросил: "Вы местный житель, должны знать какие-нибудь легенды или слухи об этой горе. Что там может быть интересного для ученых?"

"Это гора Янцзяо(1). Я не знал, что там могло быть интересного. Позднее я спрашивал стариков. Говорили, что в ущелье давно когда-то была старая деревня. Когда император вел войну(2), был большой лесной пожар, который устроили солдаты. Та старая деревня выгорела дотла, ее жители сгорели заживо. С тех пор эта деревня оставалась заброшенной. Может быть, археологи искали именно ее."

Заметив заинтересованное выражение лица пьяного Толстяка, Агуй спросил его: "Как? Вам это тоже интересно?"

"Очень интересно," — искренне ответил Толстяк. И Агуй продолжил: "Отсюда до этой горы далековато, дорога туда непростая. Обычно мы редко туда ходим: животных там мало. Правда, есть речная долина, где можно ловить рыбу. Но в этом сезоне много дождей, дорогу размывло, и путь туда опасен. Не советую вам ходить туда."

"Ты там был?" — внезапно перебил его Молчун.

"Я там не был. Но был мой дед. Он говорил, что пожар был очень сильным и выжег все дочи́ста. А остатки, наверно, уже поросли мхом и травой. Возможно, деревянные фундаменты сохранились в земле. Но это было так давно, что, скорее всего, они сгнили, — Агуй вернул нас к действительности. — Вы же хотели разузнать об археологической экспедиции. Почему бы вам не навестить их проводника завтра. Он должен знать больше, чем я. И не надо будет в горы ходить."

Но Молчун проигнорировал его предложение: "Если я пойду туда, как мне найти верную дорогу?"

"Надо идти вдоль ручья, дорога там трудно проходима. Но если вы настаиваете, я могу помочь вам найти проводника. Как насчет двухсот юаней? Я сам не смогу вас провести, и завтра никого не найду. Вам придется пару дней подождать, пока не вернется с охоты опытный человек."

Молчун посмотрел на меня, и я кивнул. Нам все равно надо жителей деревни расспросить. Двух дней как раз хватит. За это время мы можем разузнать о прошлом Молчуна в деревне, а затем уйти в горы.

Агуй пробормотал: "Проблема в том, что на месте старой деревни уже ничего нет, просто лес. Даже если вы доберетесь туда, то ничего не сможете увидеть."

Толстяк на это ответил: "Все равно пойдем. Ничего не накопаям, так хоть на лес в горах полюбуемся."

Агуй горько улыбнулся, покачал головой и вздохнул: "Эта дорога действительно трудна. Городские жители не представляют, что такое горные дороги. Вы привыкли за деньги получать все, что хотите."

Но тут, заметив двусмысленность заявления Толстяка, Агуи задумался и внезапно спросил: "Кстати, почему вас так интересуют археологи? Уж не даому ли вы, что продают культурные реликвии на черном рынке?"

Толстяк был слишком пьян, потому рьяно начал отрицать: "Какие даому, какой черный рынок? Это так грязно! Скажи, мы на самом деле похожи на..."

Я пнул его, заставляя замолчать, и спокойно объяснил: "Мы собираемся организовать сюда туристические туры. Группы уже набираются, но мы не знаем, что здесь может быть интересно туристам. Вот и приехали, чтобы найти и осмотреть достопримечательности."

Агуя это заинтересовало: "Ну, в этом и я, и все жители деревни вам помогут. Здесь много интересных мест. Но горы — это не развлечение. Впрочем, сами можете посмотреть и убедиться, что такие трудности туристам будут не по нраву."

Я кивнул и с улыбкой согласился, в глубине души ругая Толстяка за опрометчивость и импульсивность.

Толстяк тоже понял, что допустил оплошность, поэтому замолчал и отправился в туалет.

Оставшись наедине с хозяином, я еще немного поспрашивал его, но Агуй сказал, что почти ничего не помнит. Понимая, что могу вызвать лишние подозрения, я не слишком настаивал. Кроме того, он действительно мало что знал о прошлом деревни. Пришлось сдаться и подождать до завтра, когда я смогу спросить другого, более сведущего человека. Это уже было делом решенным. Толстяк вернулся, и мы сели на открытом воздухе, чтобы обсудить детали.

Глядя вслед уходящему Агую, Толстяк пробормотал: "Проклятье! Археологическая команда была здесь. Это очаровательно. Их не было в лагере днем, а закончив работы, они увезли отсюда много ящиков. Очевидно же, что где-то рядом есть древняя гробница. Гора Янцзяо! Нам повезло, как слепой кошке, которая наткнулась на сдохшую мышь. Мы всего-то

прогуляться приехали, а тут такое обнаружилось! Должны ли мы последовать воле богов, которые предоставили нам такую возможность? Нельзя же оставить добро пропадать в лесу!"

"Вот так и думал, что ты заговоришь об этом! — прервал его я. — Гробницы в горах — всего лишь твое предположение. Пока не окажемся на месте, не узнаем точно. Но все гробницы, куда добиралась команда Вэньцинъ, слишком странные и жуткие. Мне что-то совсем не хочется лезть туда."

"В этот раз определенно все хорошо, — успокоил меня Толстяк. — Ты сам слышал, что они все благополучно вернулись, да еще груз оттуда забрали. Интересно, сколько то добро стоило?"

"Если честно, в рассказе Агуи меня смутило, что они скрывали свои методы работы. Кажется, добытые ими реликвии до государства не дошли. Это очень странно," — я задумался. Третий дядя не нашел ничего о команде Вэньцинъ в правительственных архивах, и мне думается, что на самом деле это были профессиональные грабители, которые просто маскировались под археологов.

"Это все из-за невежества местных, — заявил Толстяк. — В этом районе местность суровая, условия сложные, и археологам могли потребоваться услуги даому, чтобы спасти культурные реликвии. Возможно, была причина, почему они не рискнули вести раскопки открыто. Например, вьетнамцев опасались, — он взволнованно сглотнул. — Агуй сказал, что вьетнамцы живут в горах. Думаю, они тоже прослышали про гробницы и тоже искали их. Может, и по сей день ищут. Если это так, мы не можем оставить культурные ценности им на осквернение. Эти неандертальцы даже лоянской лопатой пользоваться не умеют."

Но я со вздохом настаивал, что не хочу больше заниматься этим. И даже слушать не буду, что бы он не говорил. Однако, если там есть древняя гробница, то она как-то связана с исследованиями, которые вела команда Вэньцинъ.

Все это так запутано.

Толстяк продолжал вешать мне лапшу на уши, поэтому я просто перестал ему возражать, надеясь, что он успокоится. Через два дня мы в любом случае пойдем туда и все осмотрим. Но территория такая большая, что мало надежды найти гробницу. А если Толстяк ее все-таки отыщет и захочет спуститься, то мы ему поможем, куда деваться. Но Толстяка уже несло. Когда вернулся Агуй, тот его просто завалил вопросами.

Я боялся, что он ляпнет лишнее. Но на душе и так беспокойно, я был не в настроении опекать Толстяка, потому оставил его в покое, надеясь, что вино еще не вымыло из его мозгов остатки здравого смысла. Прислонившись к столбу, я размышлял над завтрашними планами и вместе с Молчуном таращился на яркую луну в небе.

Ночь была душной, воздух влажным. Мы обмахивались веерами, изредка с гор налетал освежающий ветерок, тревожа ветви деревьев. Вскоре от выпитого за ужином вина мне стало жарко, закружилась голова. Толстяк продолжал донимать Агуя вопросами, но я уже не слышал четко слов, мне даже лень было обернуться в его сторону. Я словно растворился в ночном небе, вспоминая, как жил в похожей деревне, когда был ребенком. Все вокруг было таким естественным и прекрасным.

Находясь в этом приятном оцепенении, я заметил, что в самой дальней комнате дома возле окна, кажется, стоит человек и смотрит на нас.

Там не было света, была видна только нечеткая и странная тень. Я протер глаза и обнаружил, что у этого силуэта сильно опущены плечи. Точно так же, как и у тени за ширмой на фотографии, что показал мне брат Чу.

Примечания переводчика

(1) Янцзяо, 羊角 — дословно это название переводится, как "баранья нога".

(2) "Когда император вел войну, был большой лесной пожар, который устроили солдаты." К сожалению, не уточняется, какой именно император. Но в дальнейшем упоминаются легенды, имевшие хождение со времен династии Тан и императора Тан Сюань-цзуна, который правил с 713 по 756 годы. Как раз в 751 и 754 годах чжуан (местная народность Гуанси) выступала в союзе с королем Пилоуге (Наньчжань, Юньнань) и несколько раз даже побеждала имперские армии. Но впоследствии Гуанси оказался поделенным на две части между чжуан и ханьцами.

ГЛАВА 7. ЗАГАДОЧНАЯ ТЕНЬ

Летний горный ветерок обдувал фонарь, висящий перед домом, и свет мерцал из-за огромного количества насекомых, круживших вокруг него. Поэтому тени даже возле дома постоянно двигались, и я подумал, что это просто обман зрения. Но когда ветер затих и движение теней остановилось, силуэт человека все еще оставался там, где я его заметил.

В первый момент, когда я увидел эту тень, то ничего не почувствовал. Но чем дольше смотрел, тем сильнее покрывалась холодным потом моя спина. Может быть, там только что повесился кто-то из членов семьи Агуя?

Стараясь развеять наваждение, я сел прямо, протер глаза и еще раз внимательно посмотрел туда.

Тень исчезла, за окном ничего и никого не было.

Это все-таки обман зрения? Нахмурившись, я спросил Агуя, кто живет в этой комнате.

Он, проследив за моим жестом, ответил: "Это комната моего сына."

О! Его ответ, словно луч яркого света, навел порядок у меня в голове. Чувствуя легкое головокружение, я сообразил, что, должно быть, у окна стоял его сын. А я просто слишком много выпил, и обычная ситуация показалась мне ненормальной.

Было уже поздно. Окинув взглядом свой дом, Агуй сказал, что хочет вернуться и отдохнуть.

Но перед этим Толстяку пришлось заплатить ему обещанный гонорар за тридцать тысяч слов. Мы попрощались с ним и разошлись по своим комнатам. По дороге Толстяк подавленно бормотал: "Да чтоб меня демоны разорвали! Всего пара предложений, этот сын черепахи ничего дельного не рассказал, но получил за это триста юаней! Мудрость трудящегося народа поистине безгранична."

"А кто тебя за язык тянул рассказывать о своем богатстве? — ехидно спросил его я. — Изображать из себя успешного бизнесмена в провинции было глупо. Сам дурак, теперь сожалеть об этом нечего."

Толстяк обиженно обозвал меня лицемером, но желания спорить с ним не было. Обычно у люди, впервые попавших в заброшенные деревни Гуанси, нарушается сон из-за непривычной обстановки. Но мы несколько дней подряд нормально не высыпались. И сейчас, под воздействием алкоголя, я быстро расслабился и заснул. А утром, проспав часов до одиннадцати, чувствовал себя посвежевшим и отдохнувшим. После обеда, которым угостил нас Агуй, его дочь проводила нас по адресу, который дал брат Чу. Идти пришлось всего минут десять.

Это было очень старое высокое деревянное здание, стены которого были обмазаны желтой глиной и отделаны черной плиткой. Но по сравнению с другими деревенскими постройками, дом казался маленьким, может быть, потому что тут не было людей, а кругом все заросло лесом. Такое ощущение, что этот дом потерялся среди стволов высоких деревьев.

Дочь Агуя тоже была удивлена, что мы тут забыли. Пришлось делать вид, что мы старательно фотографируем старинное здание. Потом Толстяк дал ей немного денег и отослал. Дождавшись, когда останемся одни, мы, наконец, попробовали забраться внутрь.

Это деревянное здание было построено на склоне, позади него возвышалась гора. Все окна были разбиты, но двери плотно заперты. Каждая дверь была украшена дверными богами(1). Даже после двух сильных ударов створки так и не открылись.

"Глядя на этот дом, ты что-нибудь вспоминаешь?" — спросил я Молчуна.

Он прикоснулся к деревянным свайным столбам, покачал головой и вздохнул. Толстяк в это время выломал ставни одного из окон и махнул нам рукой: "Скорее сюда, тут можно забраться внутрь."

"Откуда такой опыт? — выругался я. — Похоже, ты не только гробницы грабил."

"Ой, а ты такой честный, просто рядом в это время стоял? Между ограблением гробницы и ограблением дома разница всего лишь в одно слово," — и он снова поманил нас, призывая поторапливаться.

Порыв ветра заставил нас оглядеться. Убедившись, что никто за нами не наблюдает, мы пролезли в окно и закрыли его изнутри. Сердце мое бешено колотилось, я никогда так не волновался. Перелезая через подоконник, я умудрился зацепиться за гвоздь и чуть не остался без штанов. В общем, это был шок: оказывается, вламываться в дом живого человека куда более волнительно, чем вскрывать гробницы.

Внутри было темновато, но обстановка очень простая. Мы оказались в большой комнате, такой же, как в доме Агуя, где его семья готовила еду. К одной из стен была пристроена печь, а на другой висело множество ржавых сельскохозяйственных инструментов.

"Брат, я чего-то не понимаю. Ты раньше был пахарем? — Толстяк снял со стены мотыгу и продекламировал. — В полдень пашет землю пахарь. Я уже с мотыгой, ты придешь к полудню."(2)

Мы проигнорировали его поэтические познания и занялись осмотром. Одна из стен оказалась деревянной, за ней была комната. Та самая, которую, если верить сказанному, нашел брат Чу. Она вполне соответствовала его описанию.

Двери не было, только старая занавеска. Везде лежал тонкий слой пыли. Молчун хмурился,

растерянно оглядываясь. Казалось, он не решался войти. Но замешкался он перед занавеской всего на несколько секунд и вскоре скрылся за ней. Я тоже волновался. Этот человек, который, казалось, жил в некоем вакууме, наконец, нашел свой дом. Но он его не помнил. Что за игры играет с ним мироздание? Но мои мысли были грубо прерваны Толстяком, который толкнул меня вперед.

Попав в комнату, я почувствовал затхлый запах, там было темно, мои глаза привыкли к полумраку не сразу. Демонстративно отвернувшись от Толстяка, я хотел открыть окно, но обнаружил, что ни одного окна в комнате нет.

Мы не ожидали подобного и не захватили с собой фонарик. Можно было лишь поднять занавеску у входа, чтобы сюда проникло хоть немного света снаружи. Тогда удалось рассмотреть обстановку. В комнате было очень тесно, одна из стен полностью заставлена книжными стеллажами, покрытыми пылью, рядом с ними валялся мусор, разбросанные книги и коробки. Кроме этих стеллажей в комнате были еще письменный стол и деревянная лежанка в углу. Стол старый, такие лет десять назад использовались в университетских аудиториях. И все это тоже было покрыто слоем пыли.

Горный воздух очень чистый, видимо поэтому пыли в комнате скопилось не так много. В городской комнате, заброшенной столько лет, в пыли можно было бы овощи выращивать, как в земле. Однако, слой пыли совершенно ровный, нетронутый. Значит, здесь давно никого не было.

"Это твоя комната?" — удивленно спросил я. Выглядело все вокруг таким обычным. Здесь на самом деле жил Молчун? Разве тут не должно быть чего-то странного, необычного?

В какой-то момент я поймал себя на мысли, что не могу представить себе какой-то конкретный образ жилища Молчуна. Но в конце концов, он человек. А люди обычно спят в кроватях, а не гробах. И в качестве подсказок не оставляют надписи на стенах. Искать что-то надо среди обычной обстановки.

Толстяк сразу подошел к стеллажам и обыскал их, но ничего не нашел. "Ничего не понимаю, — пробормотал он. — Брат, ты был очень бедным пахарем?"

Хотя в комнате немного вещей, но все они были в беспорядке: коробки раскрыты и перевернуты, книги разбросаны. Этот беспорядок мог учинить брат Чу, когда рыскал тут. Я взял одну из книг, валявшихся на полу: толстый переплет старого образца, когда листы еще прошивали нитками. Раскрыв ее, я заметил на страницах следы плесени, бумага истончилась, текст совсем выцвел. Я даже не представлял, как эта книга до сих пор не рассыпалась у меня в руках.

Единственное, что было в относительном порядке — это стол и лежанка. Я немедленно направился к столу и стал искать фотографии, о которых говорил брат Чу.

Стекло на столе было покрыто пылью, сквозь которую рассмотреть снимки сложно. Кажется, брат Чу мне не врал.

Примечания переводчика

(1) Дверные боги. В старой легенде говорится, что когда-то на горе Ду Шо в Восточном море росло огромное персиковое дерево, его ветки простирались на несколько тысяч квадратных ли. Нижние ветви, вытянувшиеся на северо-восток, образовали Дверь дьяволов (гуй), через которую входили и выходили миллионы злых духов. Охраняли этот проход два духа, которых звали Шэнь Шу и Юй Лэй. Они хватали тех, кто совершал преступления против людей, и отдавали их на растерзание тиграм. Услышав об этом, император Хуан-ди повелел, чтобы изображения духов нарисовали на табличках, изготовленных из персикового дерева, и развесили над дверями, чтобы отгонять злых духов. Так на дверях домов появились небольшие фигурки или таблички с их изображениями. Со временем их стали заменять изображениями на бумаге и приклеивать на двери. На них рисовали духов, вооруженных луками, стрелами, копьями, Шэнь Шу был изображен слева, а Юй Лэй – справа.

Однако в более поздние времена боги дверей в народных верованиях сменились двумя министрами императора Тай-цзуна из династии Тан. Их звали Цзинь Шубао и Ху Цзиньдэ. Рассказывают, что однажды император заболел и ему показалось, что он слышит демонов, дерущихся у дверей его спальни. Когда министры решили узнать об источнике болезни, врач сообщил, что у его величества неравномерный пульс, он нервничает и его мучают видения и что его жизнь в опасности. Министры очень испугались. Императрица вызвала других врачей. Больной рассказал им, что днем он спокоен, а ночью слышит и видит демонов. Тогда Цзинь Шубао и Ху Цзиньдэ заявили, что проведут всю ночь у дверей, чтобы охранять покой императора. Надев доспехи и вооружившись, они расположились у дворцовых ворот и провели там всю ночь. Тогда император наконец смог выспаться. На следующий день он от всей души поблагодарил своих придворных, и с того времени болезнь отступила. Однако министры продолжали охранять ночной покой императора, пока тот не заявил, что не позволит им проявлять подобное рвение и жертвовать своим здоровьем. Он повелел нарисовать их портреты в полном военном облачении и разместить на дворцовых воротах, чтобы отпугивать демонов. В течение нескольких ночей было тихо, но однажды у задних ворот снова случились беспорядки. Тогда министр Вэй Чжэн распорядился установить изображения верных помощников и у задних, и у передних ворот. Через несколько дней император снова почувствовал себя лучше.

(2) В полдень пашет землю пахарь. Я уже с мотыгой, ты придешь к полудню.

Толстяк перековеркал стихотворение Ли Шэня "Печалюсь о крестьянине". Первая строка процитирована как есть "В полдень пашет землю пахарь", а дальше - стихотворчество Толстяка. Целиком стихотворение выглядит так:

□□□□□

□□□□□

□□□□□

□□□□□

Перевод (автор перевода Ли Цзо).

В полдень пашет землю пахарь,

Солнце жарко печёт.

В этот час трудится он

До седьмого пота.

Знаешь ли ты, как в тарелке

Рис благоухает и белеет...

А каждое зерно зарабатывается

Нелёгкой работой крестьянина.

ГЛАВА 8. СЕКРЕТЫ ФОТОГРАФИЙ

В этот момент Толстяк взял меня за локоть и кивнул назад.

Я обернулся: Молчун, не говоря ни слова, осторожно перебирал книги, и выражение его лица было немного озадаченным.

"Ты что-то вспомнил?" — с надеждой в сердце спросил я.

Он словно не обратил внимания на мои слова, приоткрыл рот, но сказать что-то так и не решился, лишь нахмурился еще сильнее.

Я подумал: "Неужели в его голове что-то проясняется?" И не осмелился больше беспокоить

его, только тихо наблюдал, стоя позади. Я видел, как он повернул голову, осмотрел комнату и внезапно заявил: "Кажется, что-то здесь неправильно."

"Что-то случилось?" — насторожился Толстяк.

Молчун сдвинул брови, как будто изо всех сил напрягал память: "Нет. Но эта комната кажется мне не правильной."

"Разве это не твоя комната?"

Он неуверенно покачал головой. Вдруг взгляд его остановился на лежанке. Присев на корточки, он заглянул под нее.

Я тоже присел рядом с ним. Внизу было темно, и Толстяк с деловым видом протянул ему зажигалку. Молчун с трудом попытался протиснуться под настил из досок.

Там вроде бы ничего не было, только свисала с досок паутина. Но он не сдавался и протискивался дальше. Доски внутри давно сгнили и растрескались, Молчун своими длинными пальцами ощупывал каждую щель до тех пор, пока не нашел что-то, зацепил дерево пальцами и вырвал доску. Сила его пальцев поистине удивительна: раздался ужасающий треск, и в полу появилась солидного размера дыра. Но он не остановился, отшвырнул отломанный кусок и продолжил ломать пол, словно сошел с ума.

Мы с Толстяком застыли на некоторое время, не зная, что делать. Толстяк только крикнул: "Брат, даже если тут что-то не так, не надо весь дом рушить."

Но это было бесполезно. Пока мы приходили в себя, Молчун пробил большую дыру в полу под лежанкой. И тут я кое-что понял, наблюдая, как он просунул руку в провал и вытащил наружу черную коробку.

Оказывается, вот оно что! Я взволнованно подполз к нему и увидел, что под деревянным полом был специально сделанный тайник.

Кажется, какую-то подсказку мы все-таки нашли! Я, дрожа от возбуждения, помог Молчуну. Коробка была тяжелой, я даже вспотел, помогая вытаскивать ее на свет. Толстяк не остался в стороне и рывком поставил находку на лежанку.

"Бляха-муха, что там? — он был удивлен не меньше, чем я. — Тяжеленная! Это личные вещи нашего братишки?"

"Немыслимо!" — бормотал я, сдувая пыль с крышки и внимательно рассматривая ее.

Это был черный металлический ящик, довольно большой, размерами примерно метр на полметра, покрытый узорами, еле различимыми под ржавчиной. Кажется, ящик довольно старый. Возможно, он принадлежал предыдущим владельцам этого дома и вполне мог оказаться ценным антиквариатом. Я осмотрел старый замок: этот ящик мог быть изготовлен еще до Китайской республики. В таких раньше хранили театральные костюмы или ценную и ритуальную одежду.

Молчун подошел и встал рядом, тяжело дыша. Удивленно глядя на него, я спросил: "Ты в порядке?"

Он не ответил, взгляд его казался потерянным. Похоже, он был сбит с толку.

Наверно, память к нему возвращалась частично, фрагментами. Но если он смог вспомнить, где лежит ящик, значит, спрятал его сам. Стало быть, в ящике могло быть нечто важное. И вполне возможно, это станет подсказкой к истории его прошлого. Мы были в восторге, и я предложил Толстяку: "Давай откроем и посмотрим, что там."

Толстяк тут же потянулся к замку, собираясь открыть ящик, но даже сделать ничего не успел. Молчун положил руку на крышку и крикнул: "Не открывай!"

ГЛАВА 9. ПАПКА С ФОТОГРАФИЯМИ

Удивленно взглянув на него, я заметил, как сильно он побледнел и, казалось, очень занервничал.

"Что случилось?" — спросил я.

Он нахмурился, долго смотрел на ящик, потом сказал: "Не открывайте. Мне... очень плохо."

"Ты что-то вспомнил? Или просто глядя на этот ящик, чувствуешь, что его нельзя открывать?"

Молчун кивнул: "Я не уверен, может быть, это просто плохое предчувствие. Но мне кажется, что если мы откроем этот ящик, что-то случится." Я заметил, как струйка пота потекла у него по виску, так бурно реагировать из-за простого предчувствия не в его характере. Что же может быть в этом ящике, если Молчун нервничает? Бомба? Я немедленно убрал от ящика руки Толстяка.

"Бля! Брат, не пугай меня так! — сказал тот. — Что такого страшного ты вспомнил?"

Молчун с силой потер лоб: "Я не могу описать, что именно чувствую."

"Может быть, интуиция подсказывает тебе, что замок в этом ящике с секретом? — предположил Толстяк. — Замок связан с какой-то ловушкой? И если мы откроем его, то оттуда брызнет кислота или распылится яд?"

Я подумал, что такое вполне возможно, и Молчун настолько хорошо знает особенность механизма ловушки, что это отложилось в его подсознании. Может быть, он сам установил эту ловушку в ящике, когда положил туда что-то важное. Но сейчас он только чувствует опасность, но не может вспомнить, как правильно его открыть, и боится совершить ошибку.

Это очень неприятно, потому что мне до смерти хотелось заглянуть внутрь. Но приходилось сдерживать себя. И вообще-то я был бы рад, если бы Толстяк успел открыть ящик до того, как Молчун остановил его. И проблем бы не было. Но, скорее всего, если бы Толстяк успел, то у нас вообще в жизни не было проблем, как и самой жизни.

Я попросил Толстяка помочь перенести ящик на стол, и стал внимательно осматривать замочную скважину. Этот запор настолько простой, что внутри больше похож на обычную защелку. Но как я не пытался рассмотреть, не мог понять, каким образом такой замок может активировать ловушку.

"И что теперь делать?" — Толстяк выглядел подавленным.

"Кажется, единственный способ открыть его, забрать с собой и поискать специалистов, которым это под силу. А пока стоит поискать, нет ли здесь еще чего-то заслуживающего внимания," — сказал я и огляделся, считая, что мое решение единственно правильное.

Толстяк постучал по металлической крышке: "Засада, бля! В таком случае мы доберемся до содержимого этого ящика дай бог только через полгода. Может быть, проще попросить у Агуя ножовку по металлу и просто распилить его."

Я не успел ничего ответить, а Молчун уже качал головой: "Не надо. Здесь не должно быть проблем с запорным механизмом." Сказав это, он зажал замок своими длинными пальцами, что-то щелкнуло. Похоже, с механизмом действительно все было нормально.

Но если дело не в замке, то почему нельзя открывать ящик?

Молчун, не говоря ни слова, качал головой, и я задумался: "Что-то не так с тем, что лежит внутри?"

"Да что там может быть? Неужели ядовитая змея? Если так, то она там слишком долго лежит и давно должна сдохнуть, — рассердился Толстяк. — Если вы не хотите этого делать, я, Толстяк, сам его открою. В жизни всякое бывает, но я не верю, что меня может убить какой-то ящик!"

"Никто и не говорил, что там опасное живое существо, — остановил его я. — Но это может быть что-то высокотоксичное или радиоактивное. И если ты откроешь, то пострадаем не только мы, но и жители деревни."

Толстяк выругался и сел на кровать: "Так нельзя, этак нельзя. Давайте отправим его на сталелитейный завод и расплавим. А потом сделаем вид, что ничего не было."

Ситуация была странная и немного забавная. Мы примчались сюда издалека, нашли дом Молчуна и даже вытащили из тайника то, что может пролить свет на загадки его прошлого. Но из-за того, что его интуиция что-то там подсказывает, не осмеливаемся открыть какой-то ящик. С другой стороны, рисковать все же не стоит.

Я успокаивающе похлопал Толстяка по плечу. Надо бы простучать пол, вдруг тут еще какие-нибудь тайники или просто подпол есть. Наблюдая, как Молчун ломает пол, я подумал, что он сделан из хороших и прочных досок на совесть. А это значит, что Молчун не собирался вытаскивать этот ящик долгое время. А еще работа по обустройству этого тайника долгая и кропотливая, вполне возможно, что он сразу сделал несколько таких же. Или все пространство под полом — один большой тайник.

И мы начали стучать. Но оказалось, что внизу только нулевой этаж, как мы ни старались, другого тайника не нашли.

Доски пола не были идеально подогнаны, щели между ними были довольно большие. Толстяк лег на пол и посмотрел сквозь зазоры вниз. Там было нижнее помещение, которое использовали, видимо, в качестве курятника. По крайней мере, там было полно грязи.

Толстяк никогда не боялся испачкаться, ползая по полу, просмотрел каждую щелку, собрал всю пыль. Но кажется, тайник тут был только один.

Мы трижды обыскали и проверили все снаружи и изнутри. Определенно, ничего важного тут больше не было. Толстяк поднялся, отряхнулся и заявил: "Ладно, мы не можем найти то, что нужно, не можем открыть то, что нужно. Тогда давайте сваливать отсюда, иначе Агуй и жители деревни заподозрят неладное. Невозможно так долго фотографировать заброшенный дом."

Соглашаясь с ним, я направился к столу, чтобы забрать ящик, но Толстяк меня остановил: "А вот это с собой брать нельзя. Агуй видел, что мы сюда шли с пустыми руками. Трудно будет объяснить, что мы отсюда с собой приволокли и зачем. А если слухи разлетятся... это может достичь ушей Чэнь Пи. Думаю, нам лучше поставить ящик на место и забрать с собой перед отъездом."

Его ход мыслей был абсолютно верным, и я кивнул. Толстяк залез под настил и затолкал ящик в дыру под полом, а сверху прикрыл выломанными досками, чтобы заметно не было.

Затем я собрал фотографии, сложил их в папку и положил к себе в сумку. Рассмотрю, когда вернусь. И в этот момент я внезапно услышал стук, словно кто-то продолжал простукивать пол.

"Хватит стучать, ты не дятел, — обратился я к Толстяку. — Разве ты не сказал, что надо уходить?"

Но Толстяк поднял руки, в одной уже дымилась сигарета: стучал точно не он. Я посмотрел на Молчуна, который тихонько раскладывал книги по коробкам. Он, очевидно, тоже обратил внимание на стук и уже смотрел на нас, пытаясь понять, не мы ли это стучим.

Хм.... я застыл в недоумении. И кто стучал по полу?

Прислушавшись, мы поняли, что звук раздается под лежанкой, слабый, но очень четкий и ритмичный.

Мы с Толстяком переглянулись, он затушил сигарету и осторожно наклонился, чтобы заглянуть вниз. Я тоже присел рядом на корточки.

Там, под лежанкой, никого не должно быть. Приложив ладони к полу, я не ощутил вибрации.

Значит, источник звука был далеко, но я не мог определить, из какого угла он доносится.

Толстяк жестом объяснил: под полом!

Я кивнул, полагая, что это мышь или заблудившаяся курица пробежали вниз. И вдруг заметил, как обломки досок, скрывавшие дыру в полу, пошевелились.

Что? Это уже дьявольщина какая-то. Неужели этот железный ящик самостоятельно двигался?

ГЛАВА 10. МЫШЬ

Первая моя мысль — здесь есть мыши. Эти грызуны, а также крысы в горных деревнях — обычное дело, а заброшенные дома — настоящий рай для них. Однако, перевернув ящик, я не заметил никаких следов животных и очень удивился. Может быть, она испугалась стука, когда мы обследовали пол, и пыталась убежать наружу. Но мы стучали везде, мышь не рискнула убежать открыто и спряталась под лежанкой, где Молчун чуть раньше разворотил пол.

Я не задумывался о присутствии тут мышей. Железный ящик ей не прогрызть, но если она сунет свой нос в замочную скважину, то вполне может пролезть внутрь(1), а это может быть опасно.

Волнуясь, чтобы этого не произошло, я заполз под лежанку и дважды ударил по полу, пытаясь напугать мышь, чтобы она убежала.

Я старался стучать как можно громче, чтобы точно ее напугать, но оттуда никто не выскочил. Мыши давно живут возле людей и не всегда пугаются наших действий. Похоже, эта мышь посчитала, что сидеть тихо разумнее, чем бежать.

Вообще-то, я не люблю мышей. Тем более, что это может быть не мышь, а крыса. Здесь, в горах, она еще может оказаться дикой. Эти животные очень свирепы и могут сами нападать на людей. Поэтому я не решился сам ломать доски и ждал, когда Толстяк займется этим.

Ему точно было все равно, мышь там или крыса. С трудом протиснувшись рядом со мной, он пробормотал: "Вечно лезешь копать землю над головой Тайсуя(2), а меня спросить — не

судьба." Он попросил меня подвинуться, затем осторожно, чтобы мышь не убежала, отодвинул доску, изогнулся и растопырил пальцы, имитируя орлиные когти.

Мы переглянулись, и я кивнул, показывая, что готов. Толстяк глубоко вздохнул, словно предполагал, что сейчас наживет себе на задницу неприятности. Я убрал доску, а он попытался схватить существо, прятавшееся там, дважды сжал пальцами пустоту, в волнении откинулся назад и с размаху ударился затылком о доски лежанки. Видимо, это было очень больно, он сразу зажмурился. Но, преданный своему делу, сначала сказал мне: "Лови!" — и лишь потом заорал от боли.

Теперь мне уже было не до собственных фобий. Если мышь испугается крика, что запросто может попытаться спрятаться внутри ящика. Это была главная проблема, остальное меня не волновало, и я старался схватить ее, чтобы вытащить наружу. И схватил... что-то толщиной с чашку для чая. И это что-то резко дернулось, пытаюсь вырваться, а у меня в голове зазвенело от страха. Бля-а-а! Неужели там не мышь, а змея?!

Да чтоб Толстяк сдох: это же Гуанси, местные змеи на весь Китай знамениты своим ядом!(3) Я хотел отпустить ее, но Толстяк бросился на помощь, схватил меня за руку и бормотал: "Держи ее, не отпускай!"

Я позеленел и, будучи не в состоянии сопротивляться, не разжал пальцы, позволив ему вытащить мою руку. А Толстяк сосредоточенно глядя вперед, бормотал: "Потерпи маленько, я потом попрошу Агуя накормить тебя как следует... твою ж мать! Что это?!"

Толстяк резко отпустил меня, и я увидел, что держу человеческую руку с кожей сероватого оттенка!

Заорав, я оттолкнул ее. Да что же это творится? Рука резко втянулась обратно, по пути ухватив ящик и утаскивая ее под пол. С первого раза втащить вниз ящик не удалось, лишь после двух отчаянных рывков он стал проваливаться вниз, увлекая за собой обломки досок.

Мы с Толстяком опешили. Потребовалось много времени, чтобы он пришел в себя и закричал: "Да что за блядство тут творится!? Дрова из-под котла тащит!(4) Вор!!!"

Я тоже сообразил: кто-то был под полом, и сейчас он собирался украсть нашу добычу. Рассердившись, Толстяк ухватился за ящик и потянул на себя. А я в этот момент заметил, что деревянная доска, откуда высунулась эта рука, сломана, но отверстие слишком маленькое, чтобы втащить туда весь ящик.

Поняв, что обладатель руки совсем рядом с Толстяком, я подполз к краю ямы, но прежде, чем успел дотянуться до него, рука исчезла, а затем я услышал грохот. Видимо, вор отчаянно уползал прочь.

Толстяк поспешно вылез наружу и крикнул Молчуну: "Брат, бегом за ним! Останови его!"

Но Молчун еще раньше разбил окно и выпрыгнул на улицу. Толстяк взволнованно сказал мне: "Младший У, присмотри за ящиком!" И тряхнув животом, бросился следом, крича на бегу: "Младший брат, обходим его с флангов!"

Я вытащил ящик из-под лежанки. Казалось, сердце сейчас из груди выпрыгнет. Действительно, что за блядство?! Кто этот сукин сын?! Как я, идиот, мог испугаться обычной руки? Но вот ведь бя — до смерти испугался!

Тяжело дыша, я не мог понять: это здесь так жарко или у меня кровь закипела? Передвигая ящик, я услышал крик Толстяка: "Мать твою, где он?" Судя по тому, как затихал его голос, он убежал в сторону от дома.

Я хотел сделать несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, как вдруг услышал под лежанкой треск досок, замер, понимая, что еще не все закончилось. Твою ж мать! Он не ушел? Выманил тигра с гор?(5)

Нагнувшись, я заглянул вниз и увидел человека, выбравшегося из тайника и ползущего ко мне.

Примечания переводчика

(1) Мышь может пролезть в замочную скважину. Мыши и крысы обладают способностью сжимать свои тела настолько сильно, что просачиваются в щели, которые в несколько раз уже размеров их собственного тела. Если скважина замка достаточно большая, то опасения У Се вполне оправданы.

(2) Копать землю над головой бога Тайсуя, 挖神头上 — идиома, близкая по значению русскому "играть с огнем" или "лезть на рожон".

(3) Змеи в Гуанси знамениты своим ядом. На самом деле в Гуанси не так много видов ядовитых змей. Большая часть — это семейство ужей, полозы и другие слабоядовитые змеи, способные

своим ядом уморить только птенцов и лягушек, которыми и питаются. Но у нас все же немного альтернативный Гуанси, потому путь будут и знаменитые на весь Китай ядовитые.

(4) Тащить из-под котла дрова, 搬柴 — многозначная идиома, обозначающая радикальные действия, приводящие к нужному результату. В данном случае наиболее подходящее значение этой идиомы "выбить почву из-под ног".

(5) Выманить тигра с гор, 引虎下山 — образное выражение, обозначающее "отвлекающий маневр, выманивающий противника из укрепления" по аналогии с выманиванием тигра из логова.

ГЛАВА 11. ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Первой моей мыслью было сломя голову бежать отсюда, прихватив с собой ящик. Но он был настолько тяжелым, что я не мог его поднять в одиночку. Мне пришло в голову толкать его по полу в сторону выхода, но край ящика зацепился за неровную доску и застрял, как я не старался. Оглянувшись, я увидел мужчину, который вылез из-под лежанки. Он был весь в грязи и из-за этого напомнил мне Вэньцинью в тот момент, когда я ее впервые встретил в змеином болоте.

Я четко осознавал, что это обычный человек, а не какой-то цзунцзы. Тогда почему я так напуган? Вспомнив о мотыге, которую снимал со стены внизу Толстяк, я метнулся туда, схватил ее, намереваясь использовать в качестве оружия, и опрометью бросился назад.

Когда я вернулся, мужчина уже поднял ящик и направлялся в мою сторону. Подняв мотыгу, я хотел его ударить, но он увернулся, вдруг оказавшись у меня за спиной, толкнул меня локтем в поясницу. Было так больно, что у меня ноги подкосились, и я чуть не упал. А он, не оглядываясь, бросился прочь.

Хотя я не часто лезу в драки, но по натуре человек упрямый, как и все в моей семье.

Выбежав следом за вором на улицу, я заметил, как сверкнули его глаза, когда он заметил Толстяка, сидевшего на корточках, и заглядывавшего под сваи. Со всех ног бросившись наутек, он не рассчитал свои силы, все-таки ящик был тяжелый. Вор споткнулся, а я побежал к нему, крича на бегу Толстяку: "Останови его!"

Тот, не понимая, что происходит, удивленно уставился на меня. Я снова закричал: "Ящик сперли!"

Несмотря на свою комплекцию, Толстяк обладал великолепной реакцией и ловкостью. В мгновение ока он метнулся к вору, хватая того за край одежды.

Ящик был слишком тяжелым, мужчина, теряя равновесие, упал на землю и выронил его. Он пытался встать, но Толстяк крепко держал его, не желая позволить одержать вору верх, цеплялся за одежду. И вор снова упал.

А я сразу бросился к ящику, обхватывая его обеими руками.

Это было ошибкой. Мне бы сначала Толстяку помочь, чтобы обезвредить вора, тогда и ящик бы оказался в безопасности. Но так быстро соображать я не умею. А в одиночку мой друг не справился: вор вырвался, но больше не пытался забрать ящик, а просто сбежал.

"Стой!" — заорал Толстяк и погнался следом. К погоне присоединился я, но было уже поздно. Вор бегал лучше, чем мы оба, и, направившись в сторону деревни, быстро исчез. Искать его там бессмысленно: узенькие многочисленные дорожки, выложенные голубым камнем, слишком запутаны. Если он местный житель, то не заблудится, а вот мы не знаем, куда именно он побежал.

Толстяк, ахая, удивлялся, почему вор выбежал из дома, и приставал с расспросами, что случилось внутри. Когда я объяснил, он горестно вскрикнул, сожалея, что не предусмотрел такой исход событий.

Глядя вслед убежавшему, я не мог понять, что происходит. Кто этот человек? Почему он хотел забрать ящик? У нас не должно быть конкурентов, ведь никто не знает, куда и зачем мы отправились! Или это обычный вор? Однако, для простого воришки его уловки слишком сложны.

Толстяк громко ругался, Молчун бросился к нему и положил руку на плечо, успокаивая. Но если бы младший брат был рядом, когда вор выбежал из дома, может быть, нам бы удалось его схватить.

Мы вернулись к дому. Ящик лежал в грязи. "Видать, боги благословили этот кусок железа. Иначе я не могу объяснить, почему нам так везет."

"Похоже, его нельзя здесь оставлять, — задумался я. — Полагаю, лучше будет спрятать его в доме Агуя, а хозяину дать немного денег, чтобы согласился и молчал. Думаю, у него найдется в доме пара тайников."

Толстяк кивнул: "Да. Самое опасное место — самое безопасное. И там ящик будет все время рядом." Подняв ящик с земли, он молча сделал шаг, но был неосторожен, и задел замок. Раздался щелчок, крышка открылась. Толстяк от неожиданности выронил ящик, который упал, перевернулся — и все содержимое оказалось на земле.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/51411/3055083>